

Я. С. ЛУРЬЕ

Первое послание Ивана Грозного Курбскому (Вопросы истории текста)

I

Переписка Ивана Грозного с Курбским давно вошла в науку; она хорошо известна (если не в подлиннике, то в переложениях А. К. Толстого) и широким читателям; однако история этой переписки, ее смысл и назначение далеко еще не выяснены.

В историографии XIX в. письма царя и опального боярина рассматривались в основном как личная переписка, отражающая душевное состояние обоих участников. Рассказав о бегстве Курбского в 1564 г., Н. М. Карамзин сообщал: «Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к царю». Чисто психологическими мотивами объяснял Карамзин и написание Грозным ответного письма: «. . . царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому».¹ Сходным образом излагал историю переписки и С. М. Соловьев: «Курбский не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном; он вызвал его на словесный поединок. Иоанн, по природе своей, не мог удержаться — и отвечал».²

Рассматриваемая таким образом переписка не могла, однако, не вызвать некоторого недоумения. Считая, что побуждение Курбского при написании письма понятно, ибо он хотел «излить тирану все, что накопилось у него на сердце, чего он не смел прежде высказать», Н. М. Костомаров выражал удивление по поводу написания царем столь обширного письма Курбскому: «С какою целью писано это письмо и чего добивался царь от Курбского? Неужели он хотел, ему нужно было и он надеялся убедить Курбского признать царя во всем правым, а себя и всех опальных и замученных виновными? Но если бы у Ивана была такая цель, мы бы должны признать за ним умственный уровень еще ниже того, какой признаем теперь на основании его поступков и слов. Или уж не хотел ли Иван склонить Курбского воротиться? Но этого намерения и в письме Ивана не видно».³

Взгляд на послания Грозного и Курбского как на личную переписку до некоторой степени подкреплялся рукописной традицией, на которую опирались исследователи XIX и начала XX в. — издатель «Сказаний

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1892, с. 38, 40.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, тт. VI—X. СПб., 1896, с. 156—157.

³ Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. XIII. СПб.—М., 1884, с. 255—256.

князя Курбского» Н. Устрялов и «Сочинений князя Курбского» Г. З. Кунцевич.⁴ Послания царя и Курбского были известны им по поздним сборникам конца XVII в., содержавшим сочинения Курбского — его «Историю о великом князе Московском» и послания разным лицам; Первое послание Грозного (и только оно одно, Второго послания царя Курбскому здесь не было) помещалось здесь между двумя посланиями Курбского, как часть переписки (это подчеркивалось и его заголовком: «Послание. . . ко князю Андрею Курбскому против его князя Андреева письма, что писал из града Волмера»). У читателя создавалось впечатление, что перед ним — материалы архива Курбского, куда, естественно, попало и где было сохранено письмо, адресованное царем своему противнику. Предназначалось ли это письмо и для других читателей, было ли оно, иными словами, публицистическим памятником? Не имея никаких данных для решения этого вопроса, исследователи XIX и первой половины XX в. его, в сущности, и не ставили.

При подготовке издания «Посланий Ивана Грозного» в 1951 г. были обнаружены списки неизвестной до этого времени редакции Первого послания Грозного Курбскому — ГПБ, Погод., № 1567, и ЛОИИ, собр. Археогр. комиссии, № 41,⁵ явно более первоначальной, чем известная прежде полная редакция Послания. В этой редакции сохранилось несколько значительных фрагментов Послания, пропущенных в остальных: рассказ об ослаблении Византии в VI—VII вв. после императора Анастасия Дикороса («Дикорота Драчнянина»), рассуждение об отличии царской власти от духовной (невозможность для царя исполнения евангельской заповеди — «бьющему царя в ланиту обратити и другую») и недопустимости наместничества.⁶ Кроме того, в этой редакции не оказалось путаницы, свойственной прежде известному тексту, где большой фрагмент заключительной части, включающий обширный отрывок из Дионисия Ареопагита, попал из конца Послания в середину, в результате чего получалось так, что Дионисий Ареопагит осуждал Алексея (Адашева) за его позицию в «лифлянтском» вопросе. В новонайденной редакции этой путаницы не было: текст Послания Грозного здесь точно следовал тексту Послания Курбского, на которое царь отвечал, рассуждение о «супротивословии попа Селивестра и Алексея» логично читалось здесь в середине текста, где речь шла о внешней политике царя, а цитата из Дионисия Ареопагита, без неуместного упоминания об «Алексее» и «лифлянтах», — в конце.⁷ Все это позволило признать в новонайденном тексте 1-ю пространную редакцию, предшествующую известным прежде 2-й пространной (сохранившейся в сборниках сочинений Курбского и хронографе) и краткой редакциям Послания.⁸

⁴ Сказания князя Курбского, изданные Н. Устряловым. Изд. 3-е. СПб., 1868 (предыдущие изд.: СПб., 1833 и СПб., 1842); Сочинения князя Курбского, т. I. Под ред. Г. З. Кунцевича. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

⁵ Сборник Археографической комиссии № 14 не был известен издателю «Сочинений князя Курбского» Г. З. Кунцевичу, но сборник ГПБ, Погод., № 1567. был привлечен им при издании Первого послания Курбского царю и его Послания Вассиану, а также посланий Тетерина и Полубенского (Сочинения князя Курбского, с. V, стбл. 1—8, 405—410, 489—492, 495—496; ср.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текстов Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), с. 537). Во втором неопубликованном томе «Сочинений Курбского», который не был нам известен при издании «Посланий Ивана Грозного» и корректуры которого сохранились в архиве ЛОИИ, содержалось описание сборника Погод., № 1567, однако Г. З. Кунцевич, как и в первом томе, совершенно не обратил внимания на своеобразие текста Первого послания Грозного Курбскому в этом сборнике (корректурa книги: Сочинения князя Курбского, т. II. — ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 30, с. 158—160).

⁶ Послания Ивана Грозного, с. 25, 27.

⁷ Там же, с. 49 и 62; ср. с. 113, 530—532, 543—544.

⁸ Там же, с. 537—544.

Первичность текста 1-й пространной редакции Послания давала основание обратить особое внимание на заголовок этого памятника, отличающийся от заголовка 2-й пространной редакции. Письмо царя характеризовалось здесь не как ответ «против. . . князя Андреева письма», а как «царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». Этот заголовок, правда, был свойствен не только 1-й пространной редакции. Он читался также (с небольшим дефектом — пропуском предлога «во») и в известной прежде краткой редакции Послания; но сама эта редакция, состоявшая главным образом из библейских цитат, читающихся и в пространной редакции, и не включавшая полемики царя с Курбским по основным светским вопросам, рассматривалась всеми исследователями как явно вторичная, — заголовок ее поэтому не привлек их внимания.

Характеристика Послания Курбскому как произведения, адресованного «во все . . . Российское царство», а также сопоставление этого памятника с выступлениями противников царя — эмигрантов, осуждавших Ивана IV в посланиях, направленных самым различным адресатам (послания Курбского в Псковско-Печерский монастырь, письмо двух других беглецов, Тетерина и Сарыхозина, юрьевскому наместнику Морозову), дали основания видеть во всех этих памятниках произведения публицистики, отражение широкой полемической кампании, развернувшейся в Московской и Западной Руси накануне опричнины.

Однако, несмотря на обнаружение двух списков 1-й пространной редакции Послания Грозного, сведения об этой редакции и об истории текста памятника в целом оставались еще довольно скудными. Оба эти списка (Погодинский и Археографической комиссии) — дефектные; в Погодинском списке нет всей второй половины текста; в списке Археографической комиссии отсутствует начало, а следовательно, и особо важный для нас заголовок. В связи с этим вопрос об истории текста Первого послания в издании 1951 г. в сколько-нибудь полном объеме не ставился; содержащаяся в этом издании стемма давала самое общее представление о взаимоотношениях основных редакций Послания.⁹ Хотя Погодинский список первой трети XVII в.¹⁰ старше по времени написания, чем все ранее известные списки Послания Грозного, но и он, как и список Археографической комиссии, не менее чем на полвека моложе Послания.¹¹

⁹ Там же, с. 558.

¹⁰ В издании 1951 г. (Послания Ивана Грозного, с. 537) автор этой статьи отождествил водяной знак Погод., № 1567 (однорукий кувшин с полумесяцем над крышкой

и литерами $\frac{P(E)}{DC}$), с филигранью, приведенной Н. П. Лихачевым под номером 4127 (1611—1612 гг.), однако недавно Д. Уо указал, что водяной знак рукописи несколько иной, чем приведенный у Лихачева (в Погод., № 1567, грубее рисунком полумесяца, который соединен с трилистником на крышке кувшина более толстой ножкой, — ср.: D. C. Waugh. Soviet Watermark Studies. — Kritika, Cambr. Mass., 1970, vol. VI, № 2, Winter, p. 99—101); однако и приведенные им водяные знаки (Гераклитов, № 504 и 509 — 1620—1621 и 1631 гг.)

также не дают точной датировки рукописи, так как на них литеры $\frac{O}{AB}$ и $\frac{P(E)}{DC}$ (нет соответствий в литерах и в водяных знаках, приведенных Р. Г. Скрынниковым: Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с. 8). А. А. Гераклитов указывает, что вариант филиграней этого вида (однорукий кувшин, крышка завершается полумесяцем с разными группами литер) датируется 1621—1633 гг. (А. А. Гераклитов. Филиграния XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, с. 24, № 604—740; далее Гераклитов).

¹¹ Недоразумением, однако, следует считать замечание С. О. Шмидта, что все известные пока рукописи Послания «не восходят ко времени ранее середины XVII в.» (С. О. Шмидт. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-

Отсутствие современной посланиям Грозного и Курбского рукописной традиции затрудняет решение ряда вопросов, относящихся к истории переписки.

Как передавались и распространялись послания обоих авторов? Уже Н. М. Карамзин, а вслед за ним и другие историки, говоря о переписке Грозного с Курбским, привлекали рассказ конца XVII в. (Латухинской Степенной книги) о том, что Курбский отправил Первое послание царю в Москву со своим слугой Василием Шибановым; Шибанов публично на Красном крыльце вручил послание Ивану; Грозный пробил дерзкому гонцу ногу острым концом жезла («осном») и, стоя перед пригвожденным Шибановым, выслушал письмо своего врага.¹² Но независимо от степени достоверности этого рассказа (мы еще к нему вернемся), он явно не может объяснить путей распространения остальных посланий Курбского, царя и других лиц, связанных с разгоревшейся полемикой: обычные способы передачи писем были, очевидно, иными и не столь эффектными, как тот, который описан в Степенной книге. Вызывала сомнения и традиционная атрибуция посланий. Возражая авторам, отмечавшим публицистический талант и широкую образованность Ивана Грозного, С. М. Дубровский писал, что при отсутствии автографа царя «действительное авторство» его сочинений не доказано: «Можно предполагать, что образованность и грамотность лиц, писавших для Ивана IV, готовивших для него материалы, некоторыми историками выдаются за образованность самого Ивана IV».¹³

Отсутствие современной рукописной традиции породило и более широкие сомнения по поводу переписки Грозного и Курбского. Сомнения эти были высказаны недавно американским исследователем Э. Кинаном в его монографии «Апокрифические сочинения Курбского—Грозного». Относя всю переписку и ряд сочинений обоих авторов к XVII в., Э. Кинан ссылаясь не только на отсутствие рукописей XVI в.; важнейшую роль в его построении сыграло обнаруженное им любопытное совпадение текстов между Первым посланием Курбского и сочинениями («Жалобой» и «Плачем») западнорусского инокa Исайи, приехавшего на Русь в 1561 г. и попавшего в заточение.

Считая сходные тексты у Исайи первичными, а у Курбского — вторичными, Э. Кинан отметил, что «Плач» Исайи имеет точную дату — 1566 г.; к этому же времени, по его мнению, относится и «Жалоба» Исайи. Если это так, то Послание Курбского Грозному не могло быть написано ранее 1566 г. Но по своему смыслу оно должно было появиться сразу после бегства воеводы в апреле 1564 г. в Волмер. Ответное письмо Грозного имеет прямую дату — 5 июля 1564 г. Следовательно, заключает Э. Кинан, данные этих посланий не соответствуют действительности, — это не подлинная переписка 1564 г., а апокрифы, созданные позже, уже в XVII в.¹⁴

Однако для того, чтобы обосновать свою основную гипотезу, Э. Кинану следовало бы, во всяком случае, серьезно рассмотреть три возможности, которые он не опроверг.

политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 33). Даже по датировке Уо (см. предыдущее примечание) список Погод., № 1567 (как и некоторые другие), относится к 20—30-м годам XVII в.

¹² Текст рассказа Латухинской Степенной книги см.: Сказания князя Курбского, с. 340; ср.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, с. 38.

¹³ С. М. Дубровский. Против идеализации деятельности Ивана IV. — ВИ, 1956, № 8, с. 123.

¹⁴ E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambr. Mass., 1971, p. 17—46 (далее: Keenan.).

1) «Жалоба» Исайи, с которой в основном совпадает Послание Курбского, написана не в 1566 г., а ранее — между 1561 и 1564 гг. Ряд аргументов в пользу такой датировки был высказан недавно Р. Г. Скрынниковым, принявшим основное текстологическое построение Э. Кинана (влияние Исайи на Курбского), но отвергшим предложенную им датировку «Жалобы».¹⁵

2) Не Исайя оказал влияние на Курбского, а, напротив, Послание Курбского служило источником для Исайи. Э. Кинан не привел убедительных аргументов в доказательство первичности текстов Исайи. Между тем, Курбский, военачальник царя, естественно, мог писать, что его кровь, пролитая за Ивана IV, вопиет к богу; при обращении монаха Исайи к митрополиту ссылка на «пролитую кровь» звучала необоснованно и неуместно.¹⁶

3) Как Послание Курбского, так и сочинения Исайи восходят к общему источнику. Совпадающие тексты этих памятников мало конкретны по содержанию и могли быть помещены в самых различных контекстах (некоторые из них близки к Библии).¹⁷ Заимствование образов и выражений из более ранних произведений — обычное свойство средневековой письменности, не знавшей понятия авторской собственности; историк древнерусской литературы нередко обнаруживает, что целые разделы известных памятников (часто весьма выразительные) были развернутыми цитатами и реминисценциями из других авторов.

Но если исходная текстологическая гипотеза Э. Кинана, как мы видим, недостаточно аргументирована, то предложенная им реконструкция дальнейшей истории «апокрифической переписки» представляется совсем невероятной. Автором мнимого «Послания Курбского» был, по его мне-

¹⁵ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 11—19. Р. Г. Скрынников полагает, что «Жалоба» Исайи (включавшая, по его мнению, и последующий текст «Объяснения» и «Предсказания», которые Э. Кинан считал отдельными памятниками) была ответом на неизданный «Лист» (письмо), помещенный в том же сборнике ГПБ, О. XVII.70, после сочинений Исайи; поскольку «Лист» этот имеет дату — 1562 г., ответная «Жалоба» также может быть датирована 1562 г.; вообще тексты расположены в сборнике О. XVII.70 в обратном хронологическом порядке: 1) Послание (1567 г.); 2) «Плач» (1566 г.); 3) «Жалоба» (1562 г.); 4) «Лист» неизвестного (1562 г.). При всей заманчивости этой датировки, она, конечно, предположительна (не доказано, что «Жалоба» — ответ на «Лист», что ответ этот должен был быть написан сразу же после письма, и т. д.). Объясняя совпадение Послания Курбского с «Жалобой» Исайи заимствованием Курбского у Исайи, Р. Г. Скрынников склонен объяснять совпадение с «Плачем» у Исайи иначе — наличием общего источника (евангельского текста Матф. X, 42, лишь в общих чертах сходного с Посланием Курбского и «Плачем» Исайи). Между тем, более естественно предполагать одинаковую причину совпадения текстов обоих авторов. В недавно опубликованной рецензии на книгу Р. Г. Скрынникова Дж. Феннел убедительно доказал не только наличие прямых совпадений между «Плачем» Исайи и Посланием Курбского, но и явную первичность соответствующего текста у Курбского и вторичность — у Исайи (см. рецензию Дж. Феннела: *Russia Mediaevalis*, 1975, t. II, p. 191—195), а это обстоятельство, в свою очередь, делает наиболее вероятным влияние Курбского на оба сочинения Исайи (см. прим. 16).

¹⁶ Ср.: Н. Е. Андреев. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана. — Новый журнал (The New Review), Нью-Йорк, 1972, № 109, с. 270—271; Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 204. Недостаточная убедительность текстологической аргументации Э. Кинана в пользу первичности текста Исайи и вторичности текста Курбского справедливо отмечена А. А. Зиминим в статье «Первое послание Курбского Ивану Грозному» (настоящий том, с. 188—191). Если считать текст Курбского первичным, а текст обоих сочинений Исайи — вторичным, то датировка «Жалобы» 1562 годом, предложенная Скрынниковым, может привести к выводу, что Курбский писал свое послание царю до 1562 г., т. е. более чем за два года до своего бегства, что, конечно, совершенно невероятно.

¹⁷ Помимо отмеченной Р. Г. Скрынниковым фразы, сходной с Евангелием (см. выше, прим. 15), укажем еще сходство одного места («истязати... до влас») с Псалмами (см. ниже, с. 225).

нию, Семен Шаховской, написавший его в 1623—1625 гг. как письмо Михаилу Федоровичу Романову; однако, вернув себе царскую милость, Шаховской не отправил это письмо, а переделал его в Послание Курбского Ивану IV.¹⁸ «Ответ Грозного» был написан в конце 20-х—начале 30-х годов Шаховским или кем-то из близких к нему лиц, причем в двух вариантах: сперва — в краткой версии, а затем — в пространной, где дается ответ на все основные тезисы первого «Послания Курбского».¹⁹ Продолжение этой переписки относится, по мнению Э. Кинана, к значительно более позднему времени — 70—80-м годам XVII в. Второе послание Грозного Э. Кинан связывает с кругами, близкими к сподвижнику Алексея Михайловича Артамону Матвееву: Второе и Третье послания Курбского (и его «Историю о великом князе Московском») он считает делом рук лиц, близких к фавориту царевны Софьи — Василию Голицыну.²⁰ В чем же смысл и цель этой сложной литературной мистификации, длившейся, согласно Э. Кинану, около 7 десятилетий? Допустим, что Шаховской, сочинив свое оскорбительное послание Михаилу, затем испугался и переделал его в письмо Курбского Грозному. Но для чего совершалась вся дальнейшая работа? Зачем было самому Шаховскому и близким к нему лицам, написав письмо за Курбского, брать на себя затем роль Грозного и излагать прямо противоположные взгляды? Зачем было включаться спустя полвека в эту странную литературную «игру» Артамону Матвееву, а затем Голицыну? Для того чтобы написать послания Ивана IV и Курбского (как и «Историю» Курбского), включающие сотни бесспорных исторических фактов XVI в., авторам XVII в. необходимо было изучить и привлечь множество летописных и иных источников. Зачем они все это делали? Ответа на эти вопросы мы у Э. Кинана не находим.

Концепция Э. Кинана вызвала многочисленные возражения со стороны ряда авторов, как советских, так и зарубежных.²¹ Однако, не доказав основных положений своей работы, Э. Кинан все же поставил перед наукой ряд важных вопросов, на которые предшествующие исследователи не обратили должного внимания. Нового исследования требует не только литературная история Первого послания Курбского (и его взаимоотношения с сочинениями Исаи и других авторов), но и история всей остальной переписки, ее рукописная традиция, «конвой» и т. д.

Выше мы уже указывали, что поздние списки Первого послания Грозного дошли до нас в сборниках, состоявших в основном из сочинений Курбского, что дает повод считать, что текст их мог восходить к оригиналу, посланному Иваном IV своему противнику. Каков состав более ранних сборников, содержащих это Послание? Из двух списков 1-й пространной редакции, привлеченных в издании 1951 г., наиболее ранний — ГПБ, Погод., № 1567, — также представлял собой сборник, содержащий послания Курбского, правда, не все его послания к царю, а лишь Первое, и, кроме того, Послание Курбского старцу Печерского монастыря Вассиану, послание Тетерина и Сарыхозина Морозову и послание в Юрьев польского гетмана Полубенского, также связанного с Курбским. Такой состав этой рукописи дал основание для предположения, что в основе ее лежал сборник, составленный где-то в районе Печер и соседнего Юрьева

¹⁸ Keenan, p. 31—45, 73—76.

¹⁹ Keenan, p. 76—84.

²⁰ Keenan, p. 85—88.

²¹ Кроме указанных уже работ Р. Г. Скрынникова, Н. Е. Андреева и Д. С. Лихачева, ряд статей приведен А. А. Зиминым (настоящий том, с. 176 и 201); ср. также рец. Кинана на книгу Скрынникова: *Kritika*, Camb. Mass., 1973, vol. X, № 1, Fall, и ответ Р. Г. Скрынникова: Мифы и действительность Московии XVI—XVII вв. — РЛ, 1974, № 3, с. 114—129 (далее: Скрынников. Мифы).

(куда адресовано большинство посланий), — вероятнее всего, в Печерском монастыре.²² Аналогичным «печерским сборником» оказался и новый список 1-й пространной редакции, обнаруженный автором настоящей статьи уже после издания 1951 г., список БАН, Тек. пост., № 230: Посланию Грозного здесь предшествуют те же послания, что и в ГПБ, Погод., № 1567, за исключением Послания Курбского Вассиану.²³

А. А. Зимину удалось обнаружить еще два «печерских сборника» (ГИМ, собр. Уварова, № 1584, и ГБЛ, ф. 178, Муз. № 4469, — оба 30-х годов XVI в.), в которых, кроме названных посланий Курбского, содержится еще его краткая записка в Печерский монастырь, но нет зато наиболее важного для нас памятника — Послания Грозного Курбскому.²⁴ Опираясь на наблюдения над составом сборников, включающих переписку Курбского с Грозным,²⁵ Э. Кинан сделал попытку распределить все списки, содержащие переписку, по хронологическим группам и «гроздьям» (clusters). Первую из этих «гроздей», по его схеме, составляют списки, где Первое послание Курбского (в составе «печерских сборников» и вне их) не сопровождается Посланием Грозного; вторую «гроздь» — списки, включающие Первое послание Грозного в краткой редакции, — она состоит из 5 списков, из которых *«все, по-видимому, были созданы примерно в одно время»*. Пространная редакция Первого послания «обнаруживается во многих копиях, написанных в течение долгого периода», однако наиболее ранняя «гроздь» этих списков соединяет послание Грозного лишь с Первым посланием Курбского царю.²⁶ Выводы, которые делает автор из этой классификации (в частности, его предположение о том, что краткая редакция Послания Грозного предшествовала пространной), не представляются, как мы увидим, достаточно убедительными;²⁷ однако вопрос о путях складывания дошедших до нас сборников, включающих Первое послание Грозного и остальную переписку, заслуживает внимания. Достаточно вероятным представляется, в частности, предположение (высказанное еще А. А. Зиминим) о том, что в первоначальном тексте «печерского сборника» Послание Грозного отсутствовало и было вставлено туда позже. Но кем и из какого источника? А. А. Зимин считал, что оно было добавлено в Москве «из царской канцелярии» в 20-е годы XVII в. с целью «противопоставить писаниям изменника Курбского концепцию Ивана Грозного».²⁸ Такое предположение, если оно верно, указывало бы на иной источник проникновения в письменность Послания Грозного, чем тот, на который могли наталкивать «сборники Курбского», — не из личного архива Курбского, а из царского архива в Москве. Но при обоих вариантах речь идет, очевидно, о включении Послания Грозного в читательские сборники лишь в XVII в., через много десятилетий после его написания. Предназначалось ли это писание для читателей (а не только для Курбского) и в XVI в.? Было ли оно, иными словами, с самого начала задумано как публицистический памятник?

В литературе последнего времени высказывались сомнения по этому вопросу. В полемической книге о переписке Грозного с Курбским Р. Г. Скрын-

²² Послания Ивана Грозного, с. 540.

²³ Я. С. Л у р ь е. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 306 (далее: Лурье. Новые списки).

²⁴ Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 81—82 и 85.

²⁵ Keenan, p. 7—9, 87 (tab. 3), 103—142 (Appendix I, — составлен Д. Уо), 192—194 (п. 1).

²⁶ Keenan, p. 9—10 (курсив Э. Кинана).

²⁷ См. ниже, с. 214—221.

²⁸ Сочинения И. Пересветова, с. 83; ср.: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному (настоящий том, с. 182).

ников, отвергая точку зрения Э. Кинана на послания обоих авторов как на произведения XVII в., пришел, однако, к выводу, что Послание Грозного не было при своем создании публицистическим памятником, написанным в «агитационных целях». Если прежде Р. Г. Скрынников соглашался, что Грозный (как и Курбский) предназначал свое Послание для «всего Российского царства», то теперь он полагает, что стремление царя «сделать подданных судьями» в своем споре с Курбским противоречило бы «глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных, самых знатных из которых он рассматривал как своих холопов».²⁹ С этим связан и взгляд Р. Г. Скрынникова на заголовок 1-й пространной редакции «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его. . .». Сравнив этот заголовок с развернутой и торжественной формулой (с упоминанием «скиптродржания Российского царства»), которой начинается Послание, Р. Г. Скрынников характеризует этот заголовок как «короткий и вполне прозаичный»; он полагает поэтому, что заголовок «имел литературное происхождение и принадлежал позднейшим переписчикам Послания».³⁰

Но если осмысление Послания Грозного как публицистического памятника, адресованного во «все Российское царство», принадлежит переписчикам XVII в., а в действительности не было рассчитано на широких читателей, то перед нами опять встает поставленный еще Н. И. Костомаровым вопрос о назначении этого Послания. Кого же все-таки хотел сделать Грозный судьями в возникшем споре, к кому он в действительности обращался? К самому Курбскому? Но в инструкциях своим послам в Польшу, начиная уже с 1565 г., он неизменно приказывал им ни «с Курбским, ни с ыными которыми изменники некоторых речей не говорить»³¹ и отклонять всякие попытки переговоров с их стороны. Для чего же тогда было написано это обширнейшее сочинение (превышающее объемом всю остальную переписку), сочинение, которое сам Р. Г. Скрынников именует «книгой», предполагая, что царю при написании ее «помогал целый штат помощников»?³² Неужели же вся эта работа предназначалась лично для Курбского? И в чем действительно хотел и мог убедить его царь?

Для того чтобы ответить на вопрос о смысле и характере Первого послания Грозного Курбскому, необходимо, очевидно, вновь обратиться к рукописной традиции этого памятника и его литературной истории.

II

Новое исследование литературной истории Первого послания Ивана Грозного Курбскому требует прежде всего сопоставления текста его списков (включая, естественно, найденные после 1951 г.) и редакций.

1-я пространная редакция Послания известна нам теперь в 5 списках: 1) ГПБ, Погод., № 1567; сборная рукопись XVI—XVII вв.; тетрадь с текстом Послания датируется первой третью XVII в.¹ (далее: *П*); 2) БАН, Тек. пост., № 230; сборная рукопись первой половины XVII в.; тетрадь

²⁹ Скрынников. Переписка, с. 81; ср.: Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 109.

³⁰ Скрынников. Переписка, с. 80.

³¹ Сб. Русского исторического общества, т. 71. СПб., 1892, с. 322—323, 468, 593, 778.

³² Скрынников. Переписка, с. 87.

¹ Ср. выше прим. 11 раздела I.

с текстом Послания датируется первой третью XVII в.² (далее: А); 3) ЛОИИ, ф. 11 (собр. Археограф. комиссии), № 41; тетрадь с текстом Послания датируется первой половиной XVII в.³ (далее: К); 4) ГПБ, Погод., № 1311; сборная рукопись XVI—XVIII вв.; тетрадь с текстом Послания датируется второй половиной XVII в.⁴ (далее: В); 5) ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121 (по описи — № 2350); сборная рукопись XVII—начала XVIII в.; тетрадь с текстом Послания датируется серединой или второй половиной XVII в.⁵ (далее: Т).

Новый список послания 1-й пространной редакции Т до сих пор не был известен в науке; ускользнул он и от внимания автора этой статьи в 1951 г.⁶ Наличие Первого послания Грозного в этом списке впервые отметил Д. Уо, однако он не имел возможности ознакомиться с его текстом. Д. Уо указывает, что ГПБ, куда он обратился, сообщила ему, что текст Послания в сборнике Титова представляет собою «плохую, позднюю копию», в основном соответствующую версии «сборника Курбского». ⁷ Эта информация, к сожалению, совершенно не соответствует действительности. Уже заголовок послания в Т («... послание... на крестопреступников... о их измене») не свойствен «сборникам Курбского» и встречается лишь в 1-й пространной и краткой редакциях. Дальнейший текст (охватывающий только первую половину послания) ⁸ с несомненностью указывает на принадлежность списка к 1-й пространной редакции: здесь сохранились фрагменты текста, характерные именно для этой редакции и отсутствующие во всех остальных, ⁹ — об истории Византии после императора Анастасия (л. 375 об.), об отличии царской власти от духовной и недопустимости наместничества (л. 380).

Мы уже отмечали основные особенности, позволяющие считать текст 1-й пространной редакции первичным по отношению к текстам остальных редакций Первого послания Грозного; далее мы вновь обратимся к отношениям между этими редакциями. Пока же остановимся на особенностях отдельных списков 1-й пространной редакции, позволяющих выделить во всяком случае одну особую группу в ее пределах.

Эта группа — списки П и А, принадлежащие по своему составу к так называемым «печерским сборникам». Своеобразие текста ПА особенно

² Ср. Лурье. Новые списки, с. 306. Водяной знак — двурукый кувшин с полумесяцем над крышкой и с буквами $\frac{C}{GC(GP)}$. А. А. Гераклитов относит этот вариант филигранны к 20—40-м годам XVII в. (Гераклитов, № 793—836), но соответствующих букв в его альбоме нет. Р. Г. Скрынников отождествляет филигрань этой рукописи с филигранью из рукописного альбома Т. В. Диановой в ГИМ, датированной 1635/36 г. (ср. Скрынников. Переписка, с. 9).

³ Водяные знаки — однорукый кувшин с полумесяцем над крышкой и буквами $\frac{1}{VB}$ (ср.: Тромонин, № 1157—1638 г., — на репродукции Тромонина сохранилась буква В в нижнем ряду) и лилия в гербовом щите, над которой буквы MD (ср.: Тромонин, № 490, — 1637 г.; ср.: Гераклитов, с. 20).

⁴ Ср.: Лурье. Новые списки, с. 306—307. Подробно описана Уо: Keenan, p. 119—125. Д. Уо отмечает в этой тетради два типа филигранны «голова шута» (I и IV), но, по нашим наблюдениям, это один знак — тип (по наблюдениям С. А. Клепикова, он встречается преимущественно между 1641 и 1700 гг., — С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «голова шута». — Записки Отдела рукописей, ГБЛ, т. 6, М., 1963, с. 440).

⁵ Ср.: Keenan, p. 139.

⁶ В «Посланиях Ивана Грозного» данная рукопись отмечалась среди списков послания в Кирилло-Белозерский монастырь (с. 562), но, к сожалению, с неточным цифром (№ 1211).

⁷ Keenan, p. 139.

⁸ Обрывается на словах «... яко же Ираклия блуда» (Послания Ивана Грозного, с. 45).

⁹ Ср. выше, с. 203.

ясно обнаруживается при сравнении их со списками *Б* и *К*; список *Т* (сохранивший, как и *П*, только первую половину Послания) занимает промежуточное положение между *ПА* и остальными. При этом *Б* и *К* не обнаруживают каких-либо специфических особенностей: нам не удалось найти в них одинаковых явно вторичных чтений. В *ПА*, напротив, встречается целый ряд таких чтений. Приведем их (ограничиваясь только такими, вторичность которых очевидна из контекста или же, если соответствующие тексты представляют собой в Послании Грозного заимствования, — из сравнения с источниками).

*ПА*¹⁰

- 1) ... государя, иже за Доном (9).
- 2) ... писание же твое... вразумлено и внятно (13).
- 3) ... в правду с вами, злобесовскими советники (14).
- 4) ... еже убо подругу Саулю Ресфу (17).
- 5) ... како потрясен на послед с и я. Единого старца (17).
- 6) ... Июдино же, аще и мало есть, но страшно пребысть (18).
- 7) ... и князь Федор прародитель ваш (19).
- 8) ... како же убо ты (*АТ* во) с Июдою предателем... причтешься (20).
- 9) ... совершенен муж и силен, и же хто устне обуздает, тот и все тело (21).
- 10) ... язык подобен огню, и же водворяется... человеке естество языка ради... умучится (21).
- 11) ... премудрость... земна и бесовска, душе пагубна (21).
- 12) ... епархом же и пилатом (24).
- 13) ... от Греческого царства от того же вся (26).
- 14) ... избиша 70 сынов Гедеоновых, еже убо от беззаконных жен (29).
- 15) ... младенца, мене (*А* младенцам)... хотесте света сего лишити (29).
- 16) ... про что (*Т* почто) есмя во Израили побии (29).
- 17) ... казнити подовластных, и мущих разум (31).
- 18) ... по не времени юности (33).
- 19) ... отца нашего постелю, к нам же не приклоняся, не токмо яко родительски, но и ниже властельски (33).
- 20) ... шесть лет и полнее не престаше сия злая (35).

Б К

- ... государя Д м и т р и я, иже за Доном.
- ... писание же твое... уразумлено внятно.
- ... поправшим вам с своими злобесовскими советники.
- ... еже убо поят подругу Саулю Ресфу.
- ... како потрясенно последи Хусея единого старца (ср. 2 Цар., XVII).
- ... Июдино же, аще и мало бысть, но стройно (*К* — нестройно) пребысть.
- ... и князь Федор Ростиславич прародитель ваш.
- ... како ли убо ты не с Июдою предателем... причтешься.
- ... совершенен муж и силен обузда и и все тело.
- ... язык — огонь, лепота неправде, тако язык водворяется... всяко бо естество... мучатся.
- ... премудрость... земна, душевна, бесовска (ср. для примеров 9—11 — Иаков, III, IV, 1—3, 8, 11).
- ... епархом же и пилатом.
- ... от Греческого царства отторжеся.
- ... избиша семдесят сынов Гедеоновых, еже убо от законных жен (ср.: Суд., VIII, 30).
- ... младенца моего хотесте... света сего лишити.
- ... про что есмя сильных во Израили побии (ср.: Первое послание Курбского).
- ... казнити подовластных, и мущих разум.
- ... не по времени юности.
- ... отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но и ниже властельски.
- ... шесть лет и пол не престаша (*К*; *Б* и пол нет).

В 5 из приведенных примеров *Т* не обнаруживает специфических чтений *ПА*: в цитате из Курбского («...про что есмя сильных во Израили») в *Т* сохранилось слово «сильных», пропущенное в *ПА* (пример 16), вместо бессмысленного «пилатом» (пример 12) читается «еупатом» (правителям;

¹⁰ Даем ссылки на «Послания Ивана Грозного», где текст соответствующей части Первого послания Курбскому издан по списку *П* (в скобках в тексте приведены страницы).

БК — «ипатом») и т. д. (примеры 13, 15, 19). Но в остальных случаях *Т* совпадает с *ПА*; пропуск имени «Дмитрия» (пример 1); пропуск слова «поют» (пример 4) и т. д. Все приведенные примеры относятся к первой половине Послания, — до окончания списка *П*; после его окончания *Т* также оказывается в ряде случаев схожим с *А*, противостоя *Б* и *К*; однако в этой части (и в особенности после окончания *Т*, когда остаются только списки *А*, *Б* и *К*), текстологические соотношения уже не могут считаться достаточно доказательными. К отдельным чтениям *ПА*, *Т*, *Б* и *К* (в частности, и к таким, которые обнаруживают черты специфичности, хотя и не обязательно первичности или вторичности текстов) мы еще обратимся, когда будем говорить об отношении 1-й редакции к краткой и 2-й пространной редакции. Пока же отметим, что если списки *Б* и *К* на основании имеющихся у нас данных не могут быть выделены в какую-либо особую группу и должны возводиться непосредственно к протографу 1-й пространной редакции, то списки *ПА*, очевидно, имеют единый архетип (в свою очередь, восходящий к общему источнику с *Т*). Судя по составу сборников *ПА*, можно предполагать, что их архетип представлял собою уже «печерский сборник», где Первое послание Грозного Курбскому помещено вместе с посланием Курбского царю, его же Посланием в Печерский монастырь и еще несколькими памятниками.

Краткая редакция Первого послания известна нам теперь в следующих списках: 1) ГИМ, Музейск., № 1551; первая половина XVII в. (далее: *М*); 2) ГИМ, Музейск., № 2524; XVII в. (далее: *И*); ГПБ, Погод., № 1573; XVII в. (далее: *П*); 4) ИРЛИ, Пинежск., № 112; конец XVII—начало XVIII в.¹¹ (далее: *Пи*); 5) ГБЛ, собр. Фадеева (ф. 312), № 62; конец XVII—начало XVIII в.¹² (далее: *Ф*); 6) БАН, 32.8.5, собр. Петра I, 1, № 13, вторая половина XVII в. (далее: *Ст.*); 7) ЦГАДА, ф. 181 (АМИД), отд. V, р. II, № 11; вторая половина XVII в. (далее: *Ст.*₁); 8) БАН, 24.5.38 (Срезн., № 125); XVIII в. (далее: *Ис*); 9) ГБЛ, Рум. (ф. 254), № 240; XIX в. (далее: *Р*); 10) ГБЛ, собр. ОИДР (ф. 204), № 645; XIX в. (далее: *О*); 11) ГИМ, собр. Черткова, № 80; XIX в. (далее: *Ч*).

Из этих списков впервые привлекаются к исследованию Послания Грозного Курбскому списки *М* (см. ниже, с. 213), *Пи* и *Ф*.

Вопрос об отношении краткой редакции Послания к его пространной редакции (1-й и 2-й) до последнего времени не вызывал споров в научной литературе. Если рассматривать Первое послание Грозного как реальный ответ на Первое послание его противника (для кого бы он ни предназначался — для самого Курбского или более широких читателей), то не может быть сомнения, что такой ответ был дан в пространной редакции, где учтены все замечания Курбского. В свою очередь, Курбский (во Втором послании) отвечал именно на пространную редакцию царского послания, подвергнув осмеянию содержащиеся в ней упоминания о «телогрех» и «постелях» (сцены с Иваном Васильевичем Шуйским, читающиеся в пространной и отсутствующие в краткой редакции). Попытка пересмотра вопроса о соотношении обеих редакций впервые была предпринята в работе Э. Кивана в связи с его взглядом на переписку Курбского—Грозного как на апокриф XVII в., создатели которого в действительности вовсе не спорили между собой, а имитировали такой спор за авторов XVI в. В пользу того, что сперва была создана краткая редакция «Псевдо-Грозного», рассматривавшая лишь часть вопросов, поднятых «Псевдо-Курбским»,

¹¹ Водяной знак — герб Амстердама под короной; рукопись писана в мастерской Афанасия Холмогорского (не ранее 1682 г.).

¹² Водяной знак — герб Амстердама; ср.: С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки Отдела рукописей ГБЛ, т. 20. М., 1958, № 130 (1672—1736 гг.).

а потом уже полная редакция, Э. Кинан выдвинул следующие аргументы. Прежде всего, по его утверждению, краткая редакция «сохранилась только в пяти списках, причем все они, по-видимому, были созданы около одного времени» — 30—50-х годов XVII в., списки же пространной редакции бытовали и в более поздний период (30—80-годы).¹³ Далее он утверждает, что краткая редакция содержит «гладкий и тематически единый (a smooth and thematically integral) текст», — построить его на основе полной редакции мог бы только «волшебник (wizard)».¹⁴ Наконец, Э. Кинан сослался на ряд лучших чтений краткой редакции по сравнению с пространной.¹⁵

Возражая Э. Кинану, Р. Г. Скрынников привел несколько примеров явной вторичности текста краткой редакции по сравнению с пространной. Однако автор не провел сравнения обоих текстов на всем их протяжении, ограничившись лишь случайными примерами, данными (в совсем ином контексте) в издании 1951 г. Не учел Р. Г. Скрынников и рукописной традиции обеих редакций, из-за чего некоторые из использованных им чтений оказываются вторичными вариантами ряда списков (а не общередакционными чтениями).¹⁶

Обращение к рукописной традиции обнаруживает прежде всего, что между хронологическим распределением списков краткой и пространной редакции нет существенной разницы. Древнейший список 1-й пространной редакции (II) не моложе, а вероятно, даже немного старше древнейших списков краткой;¹⁷ поздние списки краткой редакции, как и списки пространной, датируются не первой половиной XVII в., а второй половиной или концом XVII—началом XVIII в. (*См.*₁,¹⁸ а также неизвестные Э. Кинану списки *Ли*, *Ф*); список *Ис* относится даже к концу XVIII в.

Существенное значение для решения вопроса о взаимоотношениях обеих редакций имеет список *М* краткой редакции, обнаруженный Д. Уо. Д. Уо справедливо отметил, что «данный список занимает переходное место между известными списками краткой и пространной редакций»,¹⁹ но не указал, в каком направлении шел этот «переход»: содержал ли *М* вторичный текст краткой редакции, использованной в пространной, или же его текст, восходя к пространной, отражал именно протограф краткой редакции. Но уже некоторые разночтения списка *М*, отмеченные Д. Уо, свидетельствуют в пользу второго предположения. В рассказе об «изменных обычаях» предков Курьского в *М*, как и в пространной редакции, мы читаем: «. . . тако же и отец твой, князь Михайло, с великим князем Дмитрием, внуком, на отца нашего. . . многи пагубы и смерти умышлял»; в остальных списках краткой редакции слова «отец твой,

¹³ Кеenan, p. 9—10, 77; ср. выше, прим. 10 раздела I.

¹⁴ Кеenan, p. 76, 216—219.

¹⁵ Кеenan, p. 216, п. 13, 15. В прим. 13 Э. Кинан сослался на примеры, приведенные в «Посланиях Ивана Грозного» (с. 557), но там приведены образцы лучших чтений краткой редакции по сравнению со списками 2-й пространной редакции (хронографическая группа и «сборники Курьского»), — во всех этих случаях текст краткой редакции совпадает с текстом 1-й пространной и, следовательно, не может свидетельствовать о первичности краткой редакции. О примерах Кинана, приведенных на с. 216, прим. 15, см. ниже, прим. 31 раздела II.

¹⁶ Скрынников. 1) Переписка, с. 70—77; 2) Мифы, с. 126. Помещенная в «Посланиях Ивана Грозного» таблица (с. 556—557), на которую ссылается Р. Г. Скрынников, отмечает соотношение целых фрагментов краткой и пространной (*ИК*) редакций; текстуральные разночтения отмечены в ней лишь в тех случаях, когда расходятся начальные и конечные слова фрагмента; остальные разночтения не отмечались.

¹⁷ См. выше, прим. 10 раздела I.

¹⁸ Э. Кинан включил список *См.*₁ второй половины XVII в. в группу списков первой половины века на том единственном основании, что он близок по составу к списку *См.*

¹⁹ Д. Уо. Неизвестный памятник древнерусской литературы. — Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 359.

князь Михайло» пропущены, и читается бессмысленное: «...также князем Дмитрием внуком на отца нашего... многи пагубы и смерти умышлял». ²⁰ Полное сопоставление текста *М* с текстом известных прежде списков краткой редакции обнаруживает еще целый ряд первичных чтений в 1-й пространной редакции и в *М* и вторичных — в других списках краткой редакции:

1 - я пространная
редакция и *М*

... послание во все его Российское царство (9).

... искра благочестия доиде и до Российского царствия. Сего православия истинного царствия самодержавство божьим изволением (9).

А еже писал еси: про что (*М* почто) есмя во Израили побии (29).

... весь Израиль побежден (побиен) бысть, и киот завета господня (*М* господня нет) пленен бысть до дни Давыда царя (23).

... кто устне обуздал, то и все тело обуздает (*М* обуздал) (21).

... возвратишася в день брани за не не (*так в большинстве списков 1-й пространной редакции и в М*) сохраниша повеления (18).

... меч носит, в месть злодеем, в похвалу же добродеем (20).

В нашей же отчине, в Вифлянкой земле (62).

Другие списки краткой
редакции ²¹

... послание все его Российское царство ²² (124).

... искра благочестия доиде и до Российского царствия самодержавство божьим изволением (125).

А еже писал еси во Израили побии (127).

... весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя (129).

... кто устне обуздал (132).

... возвратишеся в день брани, не сохраниша повеления (132).

... меч носит, в месть злодеем ²³ (133).

В нынешней же отчине, в Вифлянкой земле (136).

Полное сопоставление 1-й пространной и краткой редакций Послания с учетом всех списков дает возможность установить текстологические взаимоотношения между ними. Никак не подтверждается мнение Э. Кинана о первичности краткой редакции по сравнению с пространной; ²⁴ не подтверждаются предложенная этим исследователем стемма соотношения обеих редакций ²⁵ и его мнение о большей логичности краткой редак-

²⁰ Там же, с. 359; ср.: Послания Ивана Грозного, с. 29 и 131. Первично и отмеченное Д. Уо чтение «...логения было много и убожества» (ср.: там же) вместо «убожествовал» в других списках краткой редакции.

²¹ В скобках страницы 1-й пространной и краткой редакций в Посланиях Ивана Грозного.

²² В списке *Ли*, как и в *М*, слово «во» читается.

²³ Это чтение (ср.: Скрынников. 1) Переписка, с. 70; 2) Мифы, с. 126), таким образом, свидетельствует о вторичности не краткой редакции в целом, а лишь большинства ее списков.

²⁴ Э. Кинан считает, в частности, свидетельством первичности краткой редакции по сравнению с пространной соотношение заголовков Послания в списках краткой и 1-й пространной редакции: в трех списках краткой редакции (*И*, *П*₁, *М*) Послание озаглавлено «Цареву государеву послание...», а в двух других (*См*, *См*₁) титул царя дан полнее (ср.: Послания Ивана Грозного, с. 555); более полный титул читается и в списке *Б* 1-й пространной редакции (ср. об этом ниже, прим. 8 раздела III); это обстоятельство указывает, по мнению Э. Кинана, на то, что пространная редакция возникла из нескольких списков краткой (Кеелан, р. 219). Однако указанное соотношение заголовков никак не свидетельствует о первичности краткой редакции: столь же возможно и обратное соотношение, и независимое расширение заголовков.

²⁵ Кеелан, р. 155, стемма Н. Источником пространной редакции был, по мнению Э. Кинана, список краткой редакции типа *П*₁, где, согласно указанию Г. Кунцевича, искажен текст в словах: «А еже писал еси, яко безсмертен мною, и аз безсмертен быти не мною, понеже» (Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным (отдельный оттиск — РИБ, т. XXXI), стлб. 30, прим. 7; Кунцевич не употребляет «клящей», и поэтому текст указанного им разночтения не вполне ясен); в пространной редакции

ции.²⁶ Напротив, если текст пространной редакции достаточно последователен, представляя собою развернутый ответ на все, без исключения, упреки в Послании Курбского, и точно следует ему в изложении, то текст краткой редакции состоит из отдельных фрагментов, лишенных общей идеи и последовательности. Единственная система, которую смог наметить в этом хаосе Э. Кинан, заключается, по его словам, в том, что краткая редакция устанавливает некоторое число главных тем вначале (разделы 1, 2, 3 и т. д.), а затем возвращается к дальнейшему их обсуждению, переходя вновь к словам из письма Курбского.²⁷ Вопреки Э. Кинану, составитель краткой редакции отнюдь не был «волшебником» и в целом ряде случаев не мог скрыть достаточно грубых швов в созданной им компиляции.

Весьма странным и непонятным в краткой редакции представляется, например, рассуждение о «предстателях», которых признают истинные христиане: «Мы убо, христиане, знаем предстатели тричисленное божество. . . , и потом предстатели имеем все небесныя силы, архангели, якоже Моисею предстатель бысть Михаил архангел. . . се убо имеем предстатели христианский» (128). Какой смысл имеет это рассуждение? В пространной редакции оно вполне понятно. Курбский назвал «христианскими предстателями» воевод, казненных Грозным; в ответ ему царь писал (в пространной редакции): «Предстатели же называешь тленных человек, подобно еллинскому блядословию. . . Сим же и ты уподобися по своему хотению, тленных человек смея предстатели нарицати. . . Мы

нет слов: «А еже. . . мнося, и», — следовательно, она происходит от списка этого типа (Кеепан, р. 161). Но в списке Л₁, вопреки Г. Кунцевичу, фраза «А еже писал еси, яко безсмертен» читается полностью и без каких-либо отличий от других списков (ГПБ, Погуд., № 1573, л. 64 об.), и, таким образом, весь этот вывод основан на недоразумении. Другим источником пространной редакции Послания царю было, по мнению Э. Кинана, Послание Курбского в оригинале дошедшего до нас дефектного списка ГПБ, собр. Археолог. общ., № 43 (л. 18—19 об.). Список этот отличается крайней путанностью текста (основные разделы его переставлены по сравнению с остальными списками); нескольких фрагментов Послания в нем нет. Э. Кинан полагает, что отрывки, вырезанные из Послания Курбского в оригинале Археолог. общ., № 43, были использованы для составления пространной редакции Послания царя: некоторые из текстов, вышпущенных в Археолог. общ., № 43 («свет во тьму прилагати», «чем провинили перед тобою и чем прогневали», «прегордые царства разорили», «всеродно погубляя»), читаются в пространной редакции так, как цитаты из Курбского, опровергаемые царем (и отсутствуют в краткой редакции); текст оригинала Археолог. общ., № 43, согласно Э. Кинану, «каннибализирован» для создания (склеивания?) пространной редакции царского послания (Кеепан, р. 159—161). Но в Археолог. общ., № 43, пропущена также фраза: «Али ты безсмертен, царю мнишися, и в небытную ересь прельщен», между тем, фраза эта читается в краткой редакции Послания царя даже полнее, чем в пространной; пропущена и фраза «Писана во граде Волмере, государя моего», цитируемая в обеих редакциях. С другой стороны, целый ряд выражений Курбского, опровергаемых только в пространной редакции («разумевая да разумеет совесть прокаженному имущу», «святую кровь их во церквях божиих», «праги церковные», «муки и смерти, мучения и гоненья», «изменами и чаровани» и т. д.), сохранился в Археолог. общ., № 43, и, следовательно, не был вырезан из его оригинала для создания пространной редакции. Таким образом, соответствие между пропусками в Археолог. общ., № 43, и «добавлениями» пространной редакции представляется мнимым, и влияние оригинала этого списка на пространную редакцию не подтверждается.

²⁶ «Поразительным примером» вторичности пространной редакции Э. Кинан считает противоречие между двумя оценками отца Курбского, данными царем: в одном случае он упоминает, что Михаил Курбский умышлял на Василия III «многи пагубы и смерти», а в другом говорит, что Андрей получал больше «жалования», чем его отец, «а храброванием его хужейша», ибо совершил «измену» (Послания Ивана Грозного, с. 29 и 54); поскольку второго из этих мест (как и всего соответствующего раздела) нет в краткой редакции, в ней не оказывается этого противоречия (Кеепан, р. 82—83). Однако здесь нет противоречия и в пространной редакции: царь осуждает Михаила Курбского, но считает, что Андрей превзошел его в злодействе.

²⁷ Кеепан, р. 218.

же убо, христиане, знаем предстатели тричисленное божество» и т. д. (44—45). В краткой редакции начало спора о «предстателях» было опущено и последующие рассуждения поэтому потеряли смысл.

Далее, после рассказа о старце Иванне Колове и непонятого замечания «Сих всех презрел еси», в краткой редакции следуют библейские поучения против многовластия: «Пророк рече: горе дому, иже обладает жена; горе граду, им же мнози обладают. Во царстве многих владение подобно женскому безумию» (130). Здесь они совершенно непонятны: ни о каком многовластии перед этим ничего не говорится. Между тем, в пространной редакции перед этим речь идет как раз о многовластии: «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градах и властех совладети, иде же вам быти, не подобает. И то от сего случися в России. . . и сам беззаконныма очима видел еси. . . К сему же и пророк рече: горе дому» и т. д. (27—28).

В другом месте краткой редакции читается рассуждение о несправедливом поведении сподвижников Курбского (таких, как Тимоха Тетерин), «свергших» навязанный им иноческий образ и вернувшихся в мир; царь грозил им «телесной и душевной погибелью» и прибавлял: «Тако же и в Цареграде множайша сего обрящещи» (134). Какие же именно подтверждения этого правила дает история Царьграда, краткая редакция не сообщает; на этом приведенное рассуждение кончается и следует совсем иной сюжет. Обратившись к пространной редакции, мы, напротив, действительно находим здесь продолжение приведенной фразы: «. . . онем убо носы урезаны, инем же во мнишеская одеянным бывшим на царство паки вскочившим, зде убо горчайшия смерти прияша, тамо же бесконечныя муки» (17). Едва ли вероятно предположить, что эта фраза, естественно продолжающая оборванный в краткой редакции текст, была добавлена в пространной редакции.

В конце Послания в краткой редакции, оправдывая жестокие поступки, совершаемые царями, Грозный сравнивает себя с царем Давидом, приказавшим убивать непокорных, не впустивших его в Иерусалим; далее говорится: «Апостол Павел сие дерзнув, ему же ты являешься учитель» (138). Что это значит? Обратившись к пространной редакции, мы обнаруживаем, что словам о Павле предшествует обширная цитата из Григория Богослова против наватянов (именно с ними Грозный сравнивал Курбского),²⁸ слишком жестоко наказывавших молодых вдов за блуд, между тем как ап. Павел отпускал этот грех «возраста ради, удобь гонимаго». «Павел се дерзнув, ему же ты являешься учитель» (т. е. «Павел решился на это снисхождение, ты же, видимо, благочестивее его») (71), — иронически заявлял Григорий своему оппоненту, фарисею. В краткой редакции начало цитаты из Григория Богослова опущено, из-за чего текст стал совершенно бессмысленным.

Такие же нарушения логики повествования и искажения обнаруживаются и при сокращении краткой редакцией отдельных фраз, сохранившихся в пространной редакции в полном виде. Некоторые из них представляют собой библейские или иные цитаты, — краткая редакция в этих случаях дальше отстоит от источника, и для того чтобы считать ее текст первичным, пришлось бы в каждом случае прибегать к маловероятному предположению о вторичном исправлении текста в пространной редакции. Приводим параллельно тексты обеих редакций (там, где текст Послания представляет собой цитату, отмечаем источник).

²⁸ Ср.: Сборник Григория Богослова XVI в.: ГПБ, F.I.237, л. 598 об.; а также: Творения св. отцов. Т. III. Творения Григория Богослова, ч. III. М., 1844, с. 268—270.

Краткая редакция

Писание же твое. . . наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же обретающееся (127).

Се убо злоба обыче сама себе хапати, сам не разумея, что сладко и свет (128).

Но не закон в церкви складное (130).

Имуще образ благочестия, силы же его отвергошася, всегда учащася и николи же в разум истинный прияти не могуща (132).

. . . она же не восхоте мимотекущего царствия, но пострижеся и во схиму (134).

. . . безсогласных бояр у нас несть, разви друзей и советников (135).

Что же убо писал еси? Понеже убо претительно повелеваеши (136).

. . . ово же гордо, ово же страшно, дмяся выше меры (136).

Вторичность текста краткой редакции во всех этих случаях (особенно там, где фразы бессмысленно обрываются: «. . . сам не разумея, что сладко и свет. . .», «. . . разви друзей и советников. . .») обнаруживается с достаточной ясностью.³¹

Сопоставление краткой редакции с 1-й пространной не только дает основание говорить о вторичности краткой. Мы можем с достаточной

Пространная редакция

Писание же твое. . . наполнено бо меда и сота по твоему разуму, горчайши же пелыни обретающееся (13).

Се убо злоба обычей сама себе хапати! Сам не разумеая, что сладко и свет и что горько и тьма, и иных поучает²⁹ (44).

Но не закон в церкви скудное (51).

Григорий Богослов. Слово на святого просвещения.³⁰

Имуще образ благочестия, силы же его отвергошася. И сих отвращайся. Водима похотьюми различными, всегда учащася, и николи же в разум истинный прияти могуща (22).

Второе послание Павла Тимофею, III, 1—9.

. . . она же не восхоте мимотекущего царствия, но паче нетленного, пострижеся и в схиму (59).

Безсогласных же бояр у нас несть, развее друзей и советников ваших, иже и ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавыя не престающе содевати (61).

Что же убо писал еси? Кто ты постави (так по спискам АБ; К хотя убо поставити) судию или учителя? Ни к чему убо власть твоя, понеже убо претительно повелеваеши (62).

. . . ово же гордо и страшно, тако же убо и ты: ово убо гордостию дмяся выше меры (62).

²⁹ Пример приведен Р. Г. Скрынниковым: 1) Переписка, с. 70; 2) Мифы, с. 126.

³⁰ ГПБ, Г. I. 237, л. 593 об.; Творения св. отцов, т. III, ч. III, с. 265.

³¹ Утверждая, что именно краткая редакция содержит лучшие чтения, Э. Кинан (Keenan, p. 216), однако, привел либо такие примеры, когда текст краткой редакции первичен по отношению ко 2-й пространной редакции (см. выше, прим. 15 раздела II), совпадая в 1-й пространной, либо указал (p. 216, n. 15) простые лякусы списка II («орел летаем обтекши», «не страмишися раба своего», «тебя не свержеся», «Израиль побием бысть») или К («безсогласных же бояр у нас ныне»), которым, как обнаруживает проверка, соответствуют вполне правильные чтения других списков 1-й пространной редакции, здесь не отличающиеся от краткой («орли летаем обтекше», «не усрамишися раба своего», «тебя не отвержеся», «Израиль побоежен бысть», «безсогласных бояр у нас несть», — ср.: ГПБ, Погод., № 1311, л. 298, 300 об., 303 об., 331), либо, наконец, случаи (там же), когда первичность чтений краткой редакции сомнительна и первичными можно считать, напротив, чтения 1-й пространной редакции («венец жизни носити» — 1-я пространная редакция «венец жизни наследити»; «царей достальных истребити» — не только в 1-й пространной редакции, но и в списке М краткой редакции «царей достойных истребити»; в краткой редакции, как и в списке Л 1-й пространной редакции, «не хотех во учительстве быти» — в остальных списках 1-й пространной редакции «не хотех в детстве быти»; «змию отуду страшну зияющую» — 1-я пространная редакция «змию отуду страшно дышущу»).

определенностью указать и на то, какой именно вид 1-й пространной редакции был протографом краткой. Выше уже упоминалось о «печерских сборниках» (списках *ПА*) и о ряде вторичных чтений, отличающих их текст от остальных списков 1-й пространной редакции (см. выше, с. 211).

Сравнивая краткую редакцию с соответствующими фрагментами пространной, мы находим там почти все эти вторичные чтения *ПА*. Как и в *ПА*, читаем в краткой редакции: «...писание... вразумлено и внятно» (пример 2; ср. с. 127); пропущено «поят» в словах «еже убо подругу Саулю Ресфу» (пример 4; ср. с. 134); «како потрясенна последи с и я единого старца разумом» (с. 135) вместо «последи Х у с е я единого старца» (пример 5); «Июдино же, еще и мало есть, но с т р а ш н о пребысть» (с. 132) вместо «с т р о й н о пребысть» (пример 6), «князь Феодор» (с. 137) без отчества «Ростиславич» (пример 7); «силен, иже кто устне обуздal» (с. 132), вместо «силен обуздати» (пример 9); «70 сынов Гедеоновых, еже убо отб е з з а к о н н ы х жен» (с. 131) вместо «законных» (пример 14); «младенца, м е н е» (с. 131) вместо «младенца м о е г о» (пример 15); «... еже писал еси: почто есм я во Израили побили» (так в *М*; в остальных списках краткой редакции дальнейшая порча: «а еже писал еси во Израили побили», — с. 127) вместо «прочно есм я с и л ь н ы х во Израили» (пример 16).

Приведенные чтения особенно важны, так как они подтверждают вторичность краткой редакции по отношению к 1-й пространной и позволяют предполагать, что и иные многочисленные совпадения краткой редакции со списками *ПА* (где вторичность чтений не так очевидна) были р е з у л ь т а т о м влияния данного вида 1-й пространной редакции на краткую (а не обратного влияния). Приведем наиболее характерные примеры таких совпадений.³²

ПА и краткая редакция

21) ... о нем же живем и движемся е с м ы (*Т* движемся и есмь) (9, 124).

22) ... яко же орел летанием (*П* летаем) обтекши (9, 125).

23) ... не в о с х и т и х о м ни под кем же царства (10, 125).

24) ... инде рече Павел апостол, и же ты (*Т* ты же и) сия слова презрел...: «... не перед очима точною работающе, не яко (*П* но яко; *Т* ни яко) человекоугодники (12, 126)

25) ... что убо ему бранная храбрость (17, 134).

26) ... дабы аз лише словом был государь, а вы с попом во всем действе были государи (*П* государь) (23, 129).

Б и *К*

... о нем же живем и движемся.

... яко же орли летанием обтекши.

... не в о с х о т е х о м ни под ким же царства.

... апостол Павел рече, ты же и (*К* иже ты) сия слова презрел...: «... не перед очима точною работающе, яко человеком угодницы.

... что убо по м о ж е ему бранная храбрость.

... дабы аз словом был государь, а вы б с попом делом.]

На середине Послания, как мы знаем, обрывается текст в списке *П*, а немного дальше — и в *Т*. Но и во второй части Послания мы наблюдаем ряд случаев, когда текст *А*, в противовес остальным спискам, совпадает с краткой редакцией. Приведем примеры.³³

³² См. выше, с. 211.

³³ В этой части текст 1-й пространной редакции дан в издании 1951 г. по списку *К*, — ссылки на него даем в правой колонке; в левой — ссылка на краткую редакцию (продолжаем нумерацию примеров, данную выше, с. 211; список *Т* обычно совпадает с *ПА*; отмечаем отличия).

А и краткая редакция

27) ... предстатели имеем вся небесныя силы, архангелы, яко же Моисею (128).

28) ... подобно манихейстей ереси пиша злобе сие (128).

29) Аз же исповедаю и всем, яко не токмо тамо (128).

30) ... ига работнаго отмечается, яко повелеваете мне свою волю творити (129).

31) ... ни о чем же убо не хвалюся в гордости (135).

32) ... не хотех во учительстве быти, в воли вашей (135).

33) О Иродовых (список М краткой редакции Иродовых) убо жерцех — еже убо подобно псову лаянию или яди ехидны отрыганию, сему подобно писал еси (136).

34) ... паче же и нам, царем имущим, како уклонитися (136).

35) ... писание хочещи с собою во гроб вложить (136).

36) ... град Волмерь недруга нашего Жигимонтов нарицаеши (136).

37) ... еже ничим же собою владеются, понеже от всех повелеваем (136).

38) ... то не вемы паче вас. Таковой (136).

39) ... беспрестани советуеши злая (136).

40) ... ово бо лукаво, ово же ласкательно (136).

41) ... бесному подобию, колеблясь писал еси (137).

Б и К

... предстатели имеем вся небесныя силы архангелы и аггелы, яко же Моисею (45).

... подобно манихейстей злобой ереси пиша (50).

Аз же исповедаю и всем, яко не токмо тамо (50).

... работнаго ига отмечается, яко го сподие, повелеваете мне свою волю творити (51).

... ни о чем же убо хвалюся в гордости (60).

... не хотех в детстве быти, зvoli вашей (61).

От Кротовых (Б кровных) убо жерцех (Б же убо жерцех рекл еси) — еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси (61).

... паче же и нам, царем, разум имущим, како уклонитися (61).

... писание хочещи во гроб вложить (61).

... град Володимерь недруга нашего Жигимонта короля нарицаеши (62).

... еже ничем же собою владеюща, но паче худейша худейших рабсуща, понеже от всех повелеваем (62).

... не вем: паче же в вас есть таковой (К таковая) (62).

... безпрестани советуеши пагубу (62).

... ово убо лукаво и ласкательно (62).

... бесному подобясь, колеблясь, писал еси (63).

Вторичность ряда чтений А и краткой редакции несомненна (примеры 29, 30, 34, 38); в остальных случаях она не может быть установлена с такой определенностью, но ни одно из чтений Б и К не может рассматриваться как явно вторичное, свидетельствующее о видовой общности этих двух списков.

Конец послания (после слов «аще на торжищех видеьше раба владыце, и старцу юношу или сына отцу» — ГПБ, Погод., № 1311, л. 334 об.) отсутствует в списке Б; для последних страниц текста в нашем распоряжении остаются только списки А и К; однако и здесь в одном случае мы можем отметить расхождение между А и краткой редакцией, с одной стороны, и К — с другой, которое вряд ли следует считать случайным.

А и краткая редакция

... и сими (А ки ми) законнова такова человека. Ненавиство же (138).

К

... и ки ми закон Наватов человека ненавиство, иже (70; ср. с. 580).

Первичность текста К подтверждается в данном случае совпадением с текстом Григория Богослова (Слово на свята просвещения): «... и кы ми законъ Наватов, человеконенавиство».³⁴

³⁴ ГПБ, F.I.237, л. 598 об.; ср.: Творения св. отцов, т. III, ч. III, с. 268—270.

Систематическое совпадение краткой редакции с *ПА* и особенно наличие в них ряда общих, явно вторичных, чтений дает основание считать, что вид *ПА* 1-й пространной редакции был тем источником, на основе которого была создана краткая редакция (см. схему на с. 225). Это подтверждается и составом рукописей, содержащих *ПА* и краткую редакцию, — «печерских сборников», включающих, наряду с Первым посланием Грозного, также Первое послание Курбского царю, его послание в Печерский монастырь (Третье послание старцу Вассиану) и др. Можно полагать поэтому, что источником краткой редакции был текст 1-й пространной редакции, уже входивший в состав «печерского сборника». Этот «печерский сборник», вероятно, не был вполне идентичен известным нам теперь сборникам *ПА*. Уже сборник *П* по «конвою» немного отличается от тех «печерских сборников» первой трети XVII в. (ГИМ, Увар., № 1584, и ГБЛ, ф. 178, № 4469), которые не включали Послание Грозного (см. выше, с. 208). Здесь, как и в этих сборниках, Посланию Курбского царю предшествует его же послание в Печерский монастырь, а вслед за Посланием царю помещены послание Тетерина и Сарыхозина Морозову и грамота гетмана Полубенского в Юрьев (только после этого следует ответное Послание Грозного); но краткой записки Курбского в Печерский монастырь, которой начинались первые два «печерских сборника», здесь нет. В сборнике *А* нет и послания Курбского в Печерский монастырь (но послания Тетерина и Полубенского есть). В «печерских сборниках», содержащих Первое послание Грозного краткой редакцией (*М*, *И*, *П*₁, *П*_и), «конвой» очевидно, подвергся дальнейшим изменениям по сравнению с первоначальным составом — Послание Курбского Грозному и ответное Послание царя (в краткой редакции) помещены здесь раньше остальных посланий; грамота Полубенского вообще отсутствует. В трех из этих сборников (*И*, *П*₁, *П*_и)³⁵ нет также и послания Тетерина, но сохранилась зато краткая записка в Печерский монастырь, которой нет в *ПА*. Очевидно, оригинал тех «печерских сборников», которые содержали текст 1-й пространной редакции Послания царя, близкий к *ПА*, был полнее по своему составу и этих двух списков, и списков краткой редакции: он включал, кроме переписки царя и Курбского, краткую записку Курбского в Печерский монастырь, его Послание старцу Вассиану и послания Тетерина и Полубенского. Можно ли предполагать, что и текст Послания 1-й пространной редакции, положенной в основу краткой редакции, чем-либо отличался от текста *ПА*? Для решения этого вопроса особенно существенны некоторые чтения краткой редакции в части, соответствующей первой половине текста 1-й пространной редакции, той, которая сохранилась и в *П*, и в *А* (вторая половина текста, сохранившаяся только в *А*, естественно, может отражать индивидуальные чтения *А*). В отличие от *ПА* в краткой редакции читается имя ненавистного Грозному «попа» во фразе: «... понеже с попом с Селиверстом положише совет, дабы аз лише словом был государь» (129); в *ПА* нет «с Селиверстом» (23);³⁶ перед вопросом: «Тако ли убо на-

³⁵ Э. Кинан считает важной особенностью «конvoja» переписки Грозного с Курбским присутствие в нем «посольских повестей» или легендарной переписки Ивана IV с иностранными государями, сочиненной в XVII в. (Кеппан, р. 12—13). Однако «посольские повести» присутствуют только в списках *ИП*₁ и частично в *М* краткой редакции (ср.: Кеппан, р. 14—15); в наиболее полных «печерских сборниках» — ГИМ, Увар., № 1584, и ГБЛ, ф. 178, № 4469, — их нет. Отметим еще, что в списке *И* за Посланием краткой редакции помещено Послание царя Василия Македонянина к его сыну Льву Премудрому; тот же памятник следует за Посланием и в другом списке краткой редакции — *Ф* (ГБЛ, ф. 312, № 62); возможно, что, несмотря на отсутствие остальных элементов конvoja, *Ф* восходит к «печерскому сборнику» типа *И*.

³⁶ Ср.: Кеппан, р. 216, п. 15.

выкл еси... христианскому государю подобно служить?» — в краткой редакции читается приказ: «Отвещай ми» (130; в *ПА* нет, — 13). Читались ли эти слова в близком к *ПА* тексте, легшем в основу краткой редакции, или они были добавлены при составлении этой редакции? Едва ли можно ответить на этот вопрос: и имя «попа» (неоднократно упоминаемое в пространной редакции, — ср. 37—41), и обращение «Отвещай ми» составитель краткой редакции мог добавить просто по смыслу. В разделах краткой редакции, соответствующих второй половине 1-й пространной редакции Послания, обнаруживается вводное пояснение к фразе: «А еже писал еси, яко бесмертен мнюся, и яз бесмертен быти не мнюся» (132; в *А*, а также в списках *В* и *К* 1-й пространной редакции без введения: «Безсмертен же быти не мняся» — 49). Одно дополнительное чтение может быть также отмечено в притче о Карпе (Поликарпе), заимствованной в Послании Грозного из Дионисия Ареопагита. В 1-й пространной редакции притча эта читается в двух последовательно изложенных версиях — полной и сокращенной; в краткой редакции послания сохранилась только эта сокращенная (вторая) версия, но со ссылкой: «... в послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измирьскаго видение» (133; в *А* и *Б* 1-й пространной редакции эта ссылка предваряет первую версию притчи, но читается: «... в послании божественнаго Дионисия о Поликарпе епископе», без слова «Измирьскаго»; в списке *К* пропущено и имя Дионисия — 57). И в этих случаях наличие у составителя краткой редакции особого текста Послания, отличного от известного нам, не обязательно. Все Послание Грозного строилось как ответ на упреки Курбского, и целый ряд абзацев начинался с соответствующих цитат из Послания Курбского; составитель краткой редакции (во всех списках которой Послание Курбского предшествует Посланию царя), считая излишнее лапидарным начало одного из разделов «Безсмертен же быти не мняся», мог без труда вставить: «А еже писал еси, яко бесмертен мнюся, и яз». ³⁷ Что касается притчи о Карпе, то к ее происхождения мы еще обратимся; пока же отметим, что первоначальным вариантом притчи, восходящей к ВМЧ, была первая, полная, версия; в краткой редакции Послания сохранились вводные слова (из 1-й пространной редакции) к первой версии и механически присоединенный к ней текст второй версии притчи. ³⁸ Добавлением могло быть в протографе краткой редакции только слово «Измирьскаго» к имени Поликарпа, но дополнение это можно было взять из любого месяцеслова или из Февральской Минеи (память епископа Поликарпа — 23 февраля), где указывалось, что Поликарп был епископом измирским (смирнским).

Итак, источником краткой редакции был, как мы можем предполагать, текст 1-й пространной редакции, близкий к *ПА* и входивший уже в «печерский сборник». Если считать, что текст Послания Грозного был включен в «печерские сборники» не ранее первой трети XVII в. (поскольку к этому же времени относятся наиболее полные по составу из «печерских сборников», не включающие послание царя), то следует, очевидно, отказаться от предположения, высказанного прежде автором этих строк, что краткая редакция была составлена еще при Грозном, и, возможно, при участии самого царя, под влиянием той критики, которую подверг Первое его послание (в пространной редакции) Курбский. ³⁹ Второе послание

³⁷ Отражением более ранней традиции или дополнением к Первому посланию Ивана Курбскому могли быть в краткой редакции и слова «от века» в цитате из Курбского («неслыханные от века муки», — 127; в пространной редакции «от века» нет).

³⁸ На это обратил внимание Р. Г. Скрынников (Переписка, с. 73), не отметивший, однако, того, что титул «Измирьскаго», сохранившийся в краткой редакции, в пространной редакции (по всем известным нам спискам) отсутствует.

³⁹ Послания Ивана Грозного, с. 558.

Курбского, в котором он высмеивал «широковещательное и многорушющее» сочинение царя, не было отправлено Грозному до 1579 г. (как об этом сообщил сам Курбский⁴⁰), и неизвестно, получил ли вообще его царь и реагировал ли он как-нибудь на это послание. В отличие от 1-й пространной редакции краткая редакция Первого послания Грозного относится, очевидно, уже к XVII в. (но не позднее 30-х годов этого столетия).

2-я пространная редакция Первого послания Курбскому может быть разделена на два вида: хронографический, содержащийся в исторических компиляциях второй половины и конца XVII в., и вид, читающийся в «сборниках Курбского», — сборниках, включающих не только Первое, но и остальные послания Курбского царю, а также его «Историю о великом князе Московском». Исследование 2-й пространной редакции не является предметом настоящей работы; ⁴¹ нам необходимо только отметить характерные отличия этой редакции от 1-й пространной (и краткой) и ее отношение к ним.

Характерными особенностями 2-й пространной редакции, присущими обоим ее видам, являются уже отмеченные выше существенные дефекты текста: пропуск рассказа об «оскудении греческой власти» после императора Анастасия (после слов «Анастасия Дикотра драчянина не больми начала оскудевати», ср. 85 и 24), рассуждения об отличии «святительства от царства» (после слов «разнство посническому и общежителству», ср. 88 и 27), перестановка из конца в середину большого фрагмента (начиная со слов «восхищати может иже сиру и вдовицу» — в сборниках Курбского: «иже Сидору вдовица», 109), включающего ответ на слова Курбского об его «утешении» в Польше и об Антихристе, а также упреки Курбскому, вообразившему себя «судьей или учителем», и начало обширного письма Дионисия Ареопагита Димифилу до слов «раба владыце или старцу юношу» (ср. 109—113 и 62—67). Фрагмент этот бессмысленно разрывает во 2-й пространной редакции рассуждение о «супротивословиях попа Сильвестра и Алексея» против похода на «лифлянтов». Дефекты эти с несомненностью свидетельствуют не только о вторичности текста, но и о единстве происхождения ее видов,⁴² — ясно, что столь своеобразные пропуски и пере-

⁴⁰ Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным, стлб. 135. На это показание Курбского (которое делает сомнительным также предположение, что критика Курбского во Втором послании царю отразилась на приписках Грозного к Лицевым сводам, — ср.: Д. Н. А л ь ш и ц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, т. XXIII. М., 1947, с. 274—275) обратила внимание И. И. Карлович в семинаре по истории Древней Руси проф. Б. А. Романова.

⁴¹ Исследованию этому будет посвящена особая статья.

⁴² Вывод о вторичности и едином происхождении обоих видов 2-й пространной редакции, по-видимому, принят и Кианом (Кеелан, р. 155), однако он склонен противопоставлять хронографический вид «сборникам Курбского», считая, что «единственная реальная слабость хронографических текстов — это терзающая нервы (pervertskacking) перестановка разделов на текстологическом уровне», и приводя ряд лучших чтений хронографического вида по сравнению с 1-й пространной редакцией (the redaction preferred by Lur'e — р. 161—162). Но приведенные им примеры — это ляпсусы списка К («ниже мните мя децкими страшилами устрашити, яко же прежде такового и не сотвористе» вместо «ниже мните мя детскими страшилами устрашити, яко же прежде того с попом Селпвестром и со Алексеем лукавым советом прельстите мя; ниже мните, яко таковая и ныне сотвористе» в списках В и А; «серы очи» вместо «закры, зыкры, закрыты»; «сметевших» вместо «смятших», «явственно» вместо «яве», «стоя» вместо «предстоя», «сорну» вместо «ону», «Поликарпа» вместо «Поликарпу», «приемлете» вместо «просите», пропуск слов «дыхающе — дышуще», «мужей онех», «праведне»), которым соответствуют более правильные чтения не только в краткой редакции и хронографическом виде, но и в списках В и А 1-й пространной редакции. Кроме того, может быть отмечено одно разночтение, никак не говорящее о первичности хронографического вида по сравнению с 1-й пространной редакцией («глаголаху» вместо «глаголали»).

становки не могли возникнуть в обоих видах независимо друг от друга.⁴³

На какой стадии истории текста могли возникнуть эти изменения? Сравнение 2-й пространной редакции с краткой не обнаруживает никаких специфических черт близости между ними. Краткая редакция несомненно не восходила ко 2-й пространной: в ней нет следов перестановки фрагментов, свойственной 2-й пространной редакции, и после упоминания о бегстве Курбского к «Жигимонту», как и в 1-й пространной редакции, следует ответ на слова Курбского о «синклите», ошибочно попавший во 2-й редакции в середину послания (ср. 136, 124 и 109). 2-я пространная редакция также не отразила индивидуальных черт краткой, здесь нет обращения «Отвещай ми» перед словами: «так ли убо навывкл еси» (ср. 75 и 130), имени «Селиверста» в словах «вы с попом положисте совет» (ср. 84 и 129) и слов «А еже писал еси, яко бессмертен мнюся» перед словами «бессмертен быти мняся» (ср. 114 и 132), и т. д.

Но, не обнаруживая близости к краткой, 2-я пространная редакция в ряде случаев оказывается сходной с тем видом 1-й пространной редакции, к которому восходила краткая, т. е. со списками *ПА* («печерскими сборниками»). Как в *ПА* и в краткой редакции, здесь вместо «Х у с и я единого старца» (пример 5) читается «с и я единого старца» (79); как и в *ПА*, говорится, что Италия «от Греческого царства от того же вся» (87; вместо «отторжеса» — пример 13); совпадает и ряд других чтений (примеры 15 — «младенца се ли»; 21, 36). Совпадают с *ПАТ* и еще некоторые чтения в разделах, отсутствующих в краткой редакции.

ПАТ и 2-я пространная
редакция

БК

... богу противляющеса (16, 77).
... тако ли пригоже прямая служба
во истину (35, 95).
... а яко же ты (П яко осуженника
ты), собака, лжеши (35; ср.: Переписка кн.
Курбского с царем Иоанном Грозным,
с. 61, прим. 3).

... богу противни являю
щеса.
... тако ли пригоже прямая служба
во истину?
... а не яко ты, собака, лжеши.

Заслуживает также внимания одно совпадение 2-й пространной редакции с *A* во второй части Послания, где текст *П* и *T* не сохранился: в *B* и *K* царь, ссылаясь на Послание Курбского, припоминает упрек последнего,

⁴³ Послания Ивана Грозного, с. 530—545. Вопреки этому выводу, С. О. Шмидт недавно вновь вернулся к предположению, высказанному более полувека назад П. В. Вилькошевским о том, что хронографический вид («редакция В» — по П. В. Вилькошевскому, «первый вариант» — по С. О. Шмидту) и текст «сборников Курбского» (редакция *A* или «второй вариант») представляют собой две различные авторские редакции текста, первая из которых была написана 2 июля (даты «2 июля» нет ни на одном из списков 1-й или 2-й пространной редакции; дата эта, представляющая собой явно ошибочную замену «Е» на «Б», встречается только на одном списке XIX в. краткой редакции, но П. В. Вилькошевский счел возможным почему-то возвести ее к «редакции В»), а вторая — 5 июля 1564 г. (С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства, с. 34; ср.: П. В. Вилькошевский. К вопросу о редакциях 1-го послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. — ЛЗАН, т. XXXIII. Л., 1926, с. 74—76.). Но наличие одинаковой перестановки и связанных с нею абсурдных искажений текста делает совершенно невозможным самостоятельное авторское происхождение обоих вариантов (ср.: Послания Ивана Грозного, с. 533, прим. 1). С. О. Шмидт ссылается на то, что при подготовке «Посланий Ивана Грозного» составителям книги не была известна корректура неизданного второго тома «Сочинений Курбского», подготовленного Г. З. Кунцевичем (см. прим. 4 раздела I), но не указывает, каким образом эти материалы подкрепляют приведенную выше догадку П. В. Вилькошевского.

что тот, служа царю, пребывал в «далноконных (*Б*; *К* дальных конных) градах» (56; так и в тексте Послания Курбского древнейшей традиции); в *А* и 2-й пространной редакции — «далноокольных (дальних и окольных)» (120).

Однако не во всех случаях чтения 2-й пространной редакции совпадают с чтениями *ПА*; в отличие от *ПА* и *Т* здесь (как в *Б* и *К* и в краткой редакции) читается имя государя, одержавшего победу «иже за Доном» — «Димитрия» (71; пример 1), сохранилось отчество князя Федора «Ростиславич» (81; пример 7 — в краткой редакции, как и в *ПАТ*, отчество пропущено); совпадает с *Б* и *К* и ряд других чтений (примеры 3, 4, 8, 9, 10, 11, 14, 18, 20, 22, 24, 25, 26, 27).⁴⁴

Как могут быть объяснены такие особенности 2-й пространной редакции? Очевидно, эта редакция, как и список *Т*, имела общий источник с *ПА*, но не восходила непосредственно к их протографу («печерскому сборнику»).

Поскольку *Т* совпадает с *ПА* в большем количестве случаев, чем 2-я пространная редакция, можно было бы предполагать, что архетип последней отстоял от 1-й пространной редакции дальше, чем *Т*. Однако такому построению противоречат те несколько случаев, когда во 2-й пространной редакции обнаруживаются ясно вторичные чтения *ПА*, которых нет в *Т*; например: «... от Греческаго царства о т т о г о ж е в с я» (пример 13; *Т* — «отторгнувся»). Для того чтобы объяснить такое соотношение списков, необходимо, очевидно, предположить вторичное влияние протографа Послания на один из интересующих нас сейчас текстов: либо архетип 2-й пространной редакции, либо список *Т* (или его оригинал) должен быть выправлен по тексту, близкому к протографу Послания (схема 1).

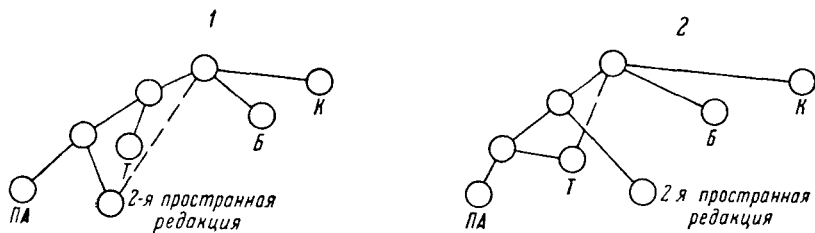

Схема 1.

Два варианта соотношения 2-й пространной редакции с 1-й пространной редакцией.

Второй вариант при имеющихся у нас сейчас данных представляется менее вероятным, чем первый: *Т* — единичный и вдобавок дефектный список; едва ли при его написании (или его оригинала) писец счел нужным обращаться к иной традиции для того, чтобы сделать частные исправления (переделать ошибочное «оттого же вся» в правильное «отторгнувся» можно было, очевидно, лишь обратившись к протографичному тексту).

Более естественным и вероятным представляется вторичное исправление ряда мест при составлении 2-й пространной редакции. Протограф этой редакции, как мы знаем, был дефектным (перестановка текста), но, вновь объединив Послание Курбского с Посланием царя, изменив заголовки (в обоих видах 2-й пространной редакции оно именуется Посланием «против его князя Андреева письма, что он писал из града Волмера»),

⁴⁴ С *БК* также совпадает чтение «имуше разум» (пример 17) в списках хронографического вида (в «сборниках Курбского» здесь дефект, ср. с. 91); в ссылке на апостола Павла (пример 24) чтение «иже ты» во 2-й пространной редакции совпадает с *ПА*, а «я ко человеком угодницы» — с *БК*.

создатель этой редакции, несомненно, старался исправить и дополнить свой текст (схема 2).

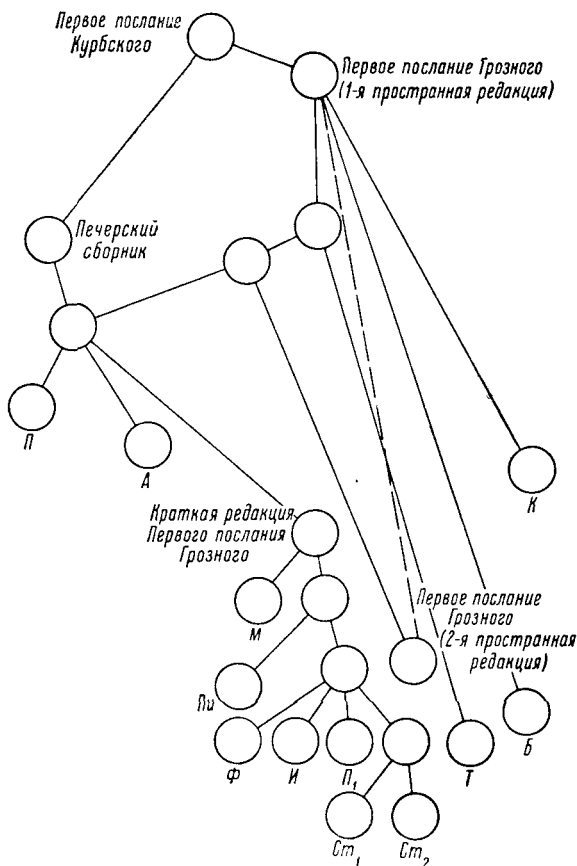

Схема 2. Происхождение основных редакций Первого послания Ивана Грозного А. М. Курбскому.

Так, в 1-й пространной редакции царь, заверяя Курбского в том, что он готов предстать перед судом Христа, говорит: «... истязание же не токмо до власти (К; АБ до властно), но и движение сердечное» (52). Такой же оборот читаем в соответствующем месте той редакции Послания Курбского, которая предшествует в «печерских сборниках» Посланию царя: «Али ты бесмертен, царю мнишися, ... не хотя уже предстати Иусу, хотящему судити... и хотяще истязати их до власти прегрешения их».⁴⁵ Но в библейском тексте, к которому, очевидно, восходит это место у Курбского и у Грозного, читается иначе: «Обаче бог сокрушит главы врагов своих, верх влас приходящих в прегрешениях своих» (Пс., LXVII, 22). В той редакции Послания Курбского, которая помещена в сборниках перед 2-й пространной редакцией, Курбский угрожает царю судьей, который будет «истязати их и до влас прегрешения»; соответственно и в ответе Грозного здесь читается: «... истязание же не токмо до влас, но и движение сердечное» (117). Мы можем поэтому предполагать, что, положив в основу текст Послания Грозного, близкий к виду ПА, составитель

⁴⁵ Ср.: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному (настоящий том, с. 176).

2-й пространной редакции подверг его редактированию на основе какого-то другого (в некоторых случаях, очевидно, более близкого к протографу) текста.

Время создания 2-й пространной редакции Первого послания Грозного может быть указано лишь приблизительно: она возникла, во всяком случае, не позднее середины XVII в., когда был написан древнейший ее список — ГИМ, Увар., № 330 (1581).

III

Наблюдения над рукописной традицией Первого послания Грозного к Курбскому дают, во всяком случае, основание для одного важного вывода: первоначальный текст памятника дошел до нас не в тех сборниках, где Послание царя помещено вместе с Посланием его противника. Уже в «печерских сборниках» читается особый вид 1-й пространной редакции Послания, включающий ряд ошибочных и явно вторичных чтений: на основе этого вида сложилась краткая и 2-я пространная (последняя, по-видимому, с привлечением дополнительного, корректирующего, текста) редакции. Что касается древнейшего первоначального вида 1-й пространной редакции, то он сохранился в сборниках, совсем не содержащих Послания Курбского — *Б*, *К* и (с некоторыми отклонениями от двух первых) *Т*. В *Б* и *К* Послание Грозного помещено в отдельных тетрадах имевших первоначально самостоятельный счет листов и не включавших других памятников; в *Т* за Посланием Курбскому следует другое послание царя — в Кириллов Белозерский монастырь.¹

Текст списков *Б*, *К* и *Т*, на наш взгляд, доказывает, что Послание Грозного проникло в рукописную традицию независимо от «печерских сборников» и в более первоначальной традиции. В какой степени текст, сохранившийся в *Б*, *К* (и частично в *Т*), может рассматриваться как оригинальный, авторский, текст Первого послания Грозного Курбскому? В тексте *Б* и *К*, как мы уже отмечали, нет явных общих ошибок; лишь одно место в их тексте (совпадающее и с *А*; текст *Т* и *П* в этой части не сохранился) вызывает сомнения и дает основание для предположения о какой-то ошибке в протографе всей 1-й пространной редакции. Это — уже упомянутая выше притча о Карпе (Поликарпе), читающаяся в 1-й пространной редакции (как и в хронографическом виде 2-й пространной редакции) в двух версиях — полной и сокращенной. В первой притче герой, который именуется Карпом, видит во сне, как наказывают неверных мужей, прельщавших христиан, и радуется этому зрелищу; Иисус Христос вступается за грешников: «. . . готов бо есмь и паки за человеки спасаемыя пострадати. . . Обаче зри, аще добре имаше и ты, еже в пропасти со змиями пребывание замении еже з богом и благами человеколюбивыми аггелы». Во второй притче герой, Поликарп, молится о погибели еретиков, получает такое же видение и настолько поглощен этим зрелищем, что не видит Иисуса, который подставляет ему плечи и говорит:

¹ Помещение в списке *П* Послания Грозного вместе с Посланием Курбского давало возможность для предположения, что оба эти памятника проникли в письменность из единого источника (например, из архива Курбского); в связи с этим автор этих строк писал в 1954 г., что отсутствие в списках *Б* и *К* Послания Курбского «служит наилучшим доказательством того, что Послание рассылалось „всему Российскому царству“» (Лурье. Новые списки, с. 309). Это замечание вызвало возражения А. А. Зимина (Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, с. 83, прим. 2) и Д. Уо (Ксепан, р. 124). — действительно, оно слишком категорично: речь может идти лишь о том, что отсутствие «конвой» в *БК* лишает основания предположение об общем архивном происхождении обеих частей переписки; в *Т* же мы обнаруживаем «конвой», объединяющий два публицистических сочинения Грозного и не включающий сочинений его врага.

«Аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, да вся в покаяние вменшу». Кончаются обе притчи одинаково — обращением к Курбскому: «И аще убо такова праведна и свята мужа, праведне молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, колыми же паче тебе, пса смердяща, . . . не послушает» — и цитатой из апостола Иакова: «Просите и не приемлете, зане зле просите» (Иаков, IV, 3).² Могло ли это изложение двух сходных притч с одинаковыми концовками принадлежать первоначальному тексту Послания? Р. Г. Скрынников решительно возражает против такого предположения. По его мнению, первоначально в Послании читалась только первая подробная версия, заимствованная царем «из русского перевода послания Дионисия Ареопажита об измирском епископе Поликарпе», а «удвоение» притчи «возникло в результате позднейшей обработки текста царского послания книжниками и переписчиками»; что же касается Грозного, то «если признать за царем Иваном некоторый здравый смысл, . . . невозможно будет объяснить, зачем понадобилось ему в одном и том же послании дважды повторять одну и ту же тираду против „пса“ Курбского. Такой прием не мог не вызвать у адресата ничего, кроме насмешки».³ Если принять это предположение, придется предположить, что «позднейшая обработка текста царского послания книжниками и переписчиками», о которой идет речь, была присуща уже протографу всех известных нам списков 1-й пространной, а за нею и всех последующих редакций и совершилась, во всяком случае, до 20—30-х годов XVII в. Но справедлив ли этот вывод? Уточним прежде всего, какой именно источник был использован при написании Послания Грозного. Послание Дионисия, которое цитируется в Послании Грозного, вопреки мнению Р. Г. Скрынникова, не имело никакого отношения к епископу Поликарпу Измирскому, — это было то самое послание Дионисия Ареопажита Димофилу из ВМЧ, которое цитировалось и в конце Послания 1-й пространной редакции (во 2-й пространной редакции часть этой цитаты, как мы знаем, ошибочно попала в середину). Ссылка на «послание божественного Дионисия о Поликарпе епископе» перед притчей о Карпе объясняется, вероятно, тем, что в Минеях (за 3 октября) перед посланием Дионисия Димофилу («Димофилу рабу 8-е») было помещено послание (на ту же тему) Дионисия Поликарпу («Поликарпу святителю 7-е»)⁴. Итак, первая притча взята из ВМЧ; вторая — из неизвестного источника. Но кто мог удвоить эту притчу или поместить две сходные притчи рядом? Обязательно ли это должны были сделать переписчики в XVII в.? Сопоставляя дату Первого послания Грозного Курбскому (5 июля 1564 г.) с летописными известиями, Р. Г. Скрынников показал, что в период написания этого письма (между началом мая 1564 г., когда стало известно о бегстве Курбского, и 5 июля) царь путешествовал (был в Никитском монастыре и дворцовых селах под Можайском и Вязьмой), и справедливо предположил в связи с этим, что Иван «не мог один составить целую книгу в течение четырех-пяти недель» и, «вероятно, ему помогал целый штат помощников».⁵ Помощникам этим было, очевидно, поручено сделать выписки

² Считая список А (БАН, Тек. пост., № 230) передающим «лучший и наиболее исправный текст Послания Грозного первой редакции» (Скрынников. Переписка, с. 9; мнение это, как мы видели, не подтверждается сравнением текстов), Р. Г. Скрынников признает правильным чтение А, где дается в данном случае ссылка на ап. Павла, а ссылку на ап. Иакова в других списках и краткой редакции объясняет опiskой (там же, с. 76). Сравнение с Библией обнаруживает, что ссылка на Иакова верна, а на Павла — ошибочна.

³ Скрынников. Переписка, с. 76—77.

⁴ ВМЧ, октябрь 1—3. СПб., 1870, стлб. 742—750.

⁵ Скрынников. Переписка, с. 87.

из многочисленных литературных источников, на которые намеревался сослаться царь. Эти книжники, помогавшие Грозному в срочном написании его обширного сочинения, так же легко могли удвоить притчу, как и позднейшие переписчики. Никакого явного логического ляпсуса и абсурда (вроде того, который получился во 2-й пространной редакции при разделении текста из Ареопагита) в помещении рядом двух сходных притч не было, — они не совпадали буквально и даже существенно различались между собой (в первой притче герой — Карп,⁶ во второй — Поликарп; в первой — грешники прельщают христиан в «безбожие», во второй они — «еретики», «смятшие божественную службу»; различны и слова Христа в обеих притчах);⁷ повторение сходной концовки могло восприниматься как риторический прием, не чуждый Грозному, — вспомним многочисленные повторения формулы — «се ли сопротивно разуму?» — в Послании и заявление самого царя: «Речеши ли убо, яко едино слово обращаю семо и овамо, пишу?». Что же касается Курбского, то в своем ответе он как раз осмеивал склонность царя «хватать» «ото многих священных словес» «преизлишно и звягливо», — среди прочих ляпсусов (которых он не стал перечислять) он мог иметь в виду и удвоение притчи из Дионисия Ареопагита.

В дошедшей до нас рукописной традиции текст, читающийся в *Б*, *К* и отчасти в *Т*, может, во всяком случае, рассматриваться как первоначальный вид 1-й пространной редакции. Тем больше интереса представляет заголовок Послания в этих списках. В *К* он не сохранился; но в *Б* и *Т* заголовок, совпадая с уже известным нам по «печерским сборникам», оказывается более обширным: «послание» (в *Т* — «царево послание») исходит здесь от «государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси» (*Т* добавляет — «самодержца») и адресовано «во все его Великия России государство» (*Т* — «во все Росийское государство»)⁸ «на крестопреступников (*Т* его) князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене». Таким образом, смущавшая Р. Г. Скрынникова «прозаичность» заголовка в *ПА* («царево государево послание») как раз не характерна для древнейшего вида, — и царь, и его государство именуются здесь более развернуто и торжественно. Принадлежит первоначальной

⁶ Отметим, кстати, некоторые неточности в изложении Р. Г. Скрынникова: пересказывая текст притчи в Послании по списку *К*, изданному в 1951 г., он пишет, что «некто Карп муж принял на Крите епископа Поликарпа и рассказал ему видение», добавляя, что в списке *А* (БАН, Тек. пост., № 230) «кия мужа, рассказавшего миру о видении, исправлено с Карпа на Поликарпа» (Скрынников. Переписка, с. 74). Однако и в *ВМЧ*, и в Послании Карп рассказывает притчу не Поликарпу, а Дионисию Ареопагиту, а переделка имени Карп на Поликарп в списке *А* — не «исправление», а ляпсус (связанный с уже отмеченной путаницей во второй притче), ибо у Дионисия всюду речь идет не о епископе Поликарпе, а о критянине Карпе (в другом месте первой притчи в списке *А* правильно — Карп).

⁷ Заметим, кстати, что в *ВМЧ*, на которые опирался Грозный в своем Послании, притча о Карпе тоже приводилась дважды, сперва в тексте послания Дионисия Ареопагита Димофилу (*ВМЧ*, октябрь 1—3, стлб. 764—767), затем в проложном рассказе о Дионисии (*ВМЧ*, октябрь 1—3, стлб. 788—790), однако второй текст не совпадает со второй версией притчи в Послании Грозного.

⁸ Это совпадение *Б* и *Т* в адресе послания («государство» вместо «царство» в *ПА*) представляется нам еще более важным, чем совпадение в титуле. Полный титул в заголовке встречается еще в двух списках краткой редакции (в *Ст* и близком к нему *Ст*₁; ср. выше, прим. 18 раздела II). Однако (поскольку оба названных списка не обнаруживают иных черт совпадения с 1-й пространной редакцией) мы не можем с определенностью сказать, сохранился ли здесь первоначальный заголовок протографа или же полный титул царя был проставлен переписчиком XVII в. по привычке. Однако в списках *Б* и *Т* предполагать такое вторичное исправление текста нет оснований, — и потому, что текст этих списков, как мы видели, во многих случаях оказывается первичным по сравнению с *ПА*, и потому, что здесь (в отличие от названных списков краткой редакции) совпадают слова — «во все его Росийское (великия России) государство».

традиции, заголовок этот (независимо от того, исходил он от царя или от его канцелярии) имеет значение важного исторического источника: перед нами достаточно раннее и аутентичное свидетельство о том, что Послание было адресовано «во все Российское государство» и носило характер обличения «крестопреступников».

Мы вновь возвращаемся, таким образом, к вопросу о назначении и путях распространения переписки Грозного и Курбского. Тот факт, что многие произведения эпистолярного жанра XV—XVI вв. были не только памятниками личной переписки их авторов, но и публицистическими произведениями, рассчитанными на многих читателей, подтверждается множеством примеров и никак не может считаться «модернизацией», привнесенной исследователями XX в. Послания Вассиана Рыло, Геннадия Новгородского, Иосифа Волоцкого, Даниила, Максима Грека вскоре после их составления переписывались во множестве сборников и использовались другими авторами как формулярные образцы. Отличие посланий Грозного и Курбского от этих посланий состояло только в том, что Геннадий, Иосиф и другие, очевидно, рассматривали своих непосредственных адресатов как людей, к которым они обращались в первую очередь, стремясь передать и внушить им какие-то конкретные идеи; предполагать такие намерения у Курбского и Грозного едва ли возможно.⁹ Жанр «открытых писем», в которых адресат является не собеседником автора, а предметом обличения, в мировой литературе представлен прежде всего сочинениями Цицерона: недаром Курбский счел нужным приложить к одному из своих ответных посланий царю два произведения Цицерона — «сопротив Антонию» и «сопротив Клаудиусу».¹⁰ Знаком ли был этот жанр русской литературе XVI в.? Один пример такого «открытого письма» XVI в. (и притом предшествующего переписке Курбского с Грозным) мы, во всяком случае, знаем. Это — «Ответ кирилловских старцев» на послание Иосифа Волоцкого Василию III, замечательный публицистический памятник, автором которого с достаточным основанием считается Вассиан Патрикеев. «Старцы» обращались к «господину старцу Иосифу», иронически сравнивали его с библейскими пророками, спрашивали: «Почто не испытаетшь своей святости?» — и выражали огорчение из-за того, что Иосиф, в отличие от древних святых, не взошел на костер вместе со своими врагами, еретиками.¹¹ Но все эти соображения и советы имели совершенно такой же риторический и публицистический характер, как и обращения и советы царя Курбскому (или Курбского царю): перед нами не диалог собеседников, а обличение. Создавая свою переписку, Курбский и царь имели, как мы видим, образец и в русской литературе своего времени.

Черты «открытых писем» обнаруживаются и в посланиях Курбского в Печерский монастырь, близких по времени к его переписке с царем. Особенно ясны эти черты в Третьем послании Курбского в монастырь, написанном уже после его бегства в 1564 г. «Коиx напастий, и бед, и наругания, и гонения не претерпех!» — упрекал Курбский монахов. «Многажды в бедах своих ко архиереом, и ко святителем, и к вашего чина преподобию со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах, и валяхся пред ногами их, и землю слезами омаках, и ни малые помощи, ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые от

⁹ Ср.: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6. М., 1956, с. 340, прим. 1; Я. С. Лурье. Был ли Иван IV писателем? — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, с. 507—508.

¹⁰ Переписка князя Курбского с царем Иоанном Грозным, стлб. 137—145.

¹¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 250—253.

них потаковники их кровем нашим наострители явишася». Как и в Послании царю, Курбский заявлял: «Бог судитель праведный и крепкий между вами и мной» — и грозил «себе в руку вложить» это «писаньеце», приближаясь «ко вратом смертным».¹² Таким образом, и здесь перед нами не послание, предназначенное для убеждения адресата, а прежде всего — обличение.

Как и любые авторы «открытых писем», Курбский и Грозный, конечно, не исключали и даже предполагали их прочтение формальными адресатами — теми, кого они обличали. Но публицистический по преимуществу характер этих посланий, естественно, означал, что главной целью их написания было обращение к более широким читателям. Как же передавались и распространялись послания обоих авторов? Мы уже упоминали сказание конца XVII в. о Василии Шибанове, вручившем царю на Красном крыльце послание своего господина и подвергнутом за это пытке. Сказание это явно противоречит летописному известию середины XVI в., что Шибанов после бегства его господина был захвачен воеводами близ Юрьева, и оно не становится достовернее, даже если мы теперь знаем, что версия об обращении Курбского «к государю к Москве с человеком своим с Васкою Шибановым» существовала уже в 20-х годах XVII в. (она читается на заголовке одного явно вторичного списка Послания Курбского).¹³ И Курбский, и его русские и польско-литовские сподвижники (Тетерин и Сарыхозин, Полубенский) отправили, как мы знаем, целый ряд писем на Русь: можно ли предполагать, что каждый из посланцев, перевозивший эти письма, по прибытии открыто заявлял о своей миссии (как это сделал Шибанов, согласно Латухинской Степенной книге) и тем самым обрекал себя на верную гибель? Уже С. Б. Веселовский писал, что «Курбскому не было надобности жертвовать своими верными слугами» для отправления в Москву своих посланий.¹⁴ Противники Грозного из-за рубежа несомненно могли пользоваться иным, достаточно доступным в то время методом отправления на Русь того, что уже в начале XVII в. получило название «подметных», или «прелестных», писем. Совершенно ясно, что авторы таких писем (например, Курбский при написании своих посланий в Печерский монастырь) не только допускали, но и предполагали возможность их достаточно широкого прочтения.

К счастью, в нашем распоряжении имеются и прямые данные о том, как организовывал Курбский передачу и распространение своих сочинений в пределах Русского государства. В нескольких «печерских сборниках», как мы уже отметили, сохранились не только послания Курбского в Печерский монастырь, но и его краткая записка, адресованная, очевидно, в Юрьев, где он просит, «бога ради», вынуть какое-то положенное «в избушке», «под печью, страха ради смертного», «писание», «одно в столбцах, а другое в тетратях», — «и вы то отошлите любо к государю, а любо ко Пречистой в Печеры».¹⁵ Р. Г. Скрынников, обративший внимание на эту записку, высказал в своей книге ряд предположений. По его мнению, среди «писаний», оставленных Курбским в тайнике, было его второе послание в Печерский монастырь, которое боярин написал еще на Руси, но не решался передать адресату;¹⁶ он предполагал, что записку о место-

¹² Письма князя А. М. Курбского к разным лицам (отдельный оттиск — РИБ, т. XXXI). СПб., 1913, стлб. 47—51.

¹³ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси (в печати).

¹⁴ Неизданная статья С. Б. Веселовского — Архив АН СССР в Москве, ф. 620, л. 85.

¹⁵ Письма князя Курбского к разным лицам, стлб. 1—2.

¹⁶ Скрынников. 1) Курбский и его послания в Псково-Печерский монастырь, с. 100—103; 2) Переписка, с. 34—35.

нахождении «писаний» привез на Русь тот же самый «человек», который (как упоминается в третьем послании печерским старцам) ездил также в Печерский монастырь «бити челом о потребных животу», и что человеком этим был Василий Шибанов. По мнению Р. Г. Скрынникова, Шибанов, пойманный в русских пределах, указал тайник с бумагами Курбского и таким образом, по терминологии летописного рассказа, сказал «изменные дела» своего господина, сделав это, однако, «по приказу самого Курбского». Р. Г. Скрынников предположил, наконец, что после ареста Шибанова сам царь послал своего посланца — Плещеева в Озерище за грамотой (Первым посланием) Курбского.¹⁷

Многие из этих предположений являются, конечно, простыми догадками.¹⁸ Несомненным остается один факт: уже после своего бегства (когда и составлена приведенная записка) Курбский имел средства для сношений с Русью и использовал их для передачи и рассылки каких-то «писаний». Каких именно? Точного ответа мы дать не можем, но совершенно ясно, что, судя по второму, а также третьему посланию в Печерский монастырь и Посланию царю, составленному сразу после бегства. «дело государственное», которое Курбский прежде не решался разглашать «страха ради смертного», а теперь сам хотел послать «к государю» (прямо или через Печерский монастырь), должно было быть для царя (как сказал потом сам Грозный) «горчайше полыни». Началась полемика, обращенная «во все Российское государство»; и это обстоятельство не мог не учитывать царь при создании ответа.

Но склонен ли был царь вести подобную полемику? Не противоречила ли она, как предполагает Р. Г. Скрынников, «глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных»? Нет, не противоречила. Достаточно обратиться к тексту Первого послания царя Курбскому, чтобы убедиться в том, что, именую всех своих подданных «рабами» и заявляя, что «доселе русские владатели не истезуемы были ни от кого, но вольны были подовластных своих жаловати и казнити»,¹⁹ Грозный одновременно настойчиво убеждал читателей в своей справедливости и величайшей заботе о «православных». «И тако ли пастырю подобает, еже не рассмотреть о неустроении подовластных своих?» — спрашивал он Курбского.²⁰ «А в ьных землях сам узриши, елико содевается злым злая: там не по здешнему!». Уверяя, что казнит он только «супротивных», а «доброхотных» жалует «своим великим всяким жалованьем»,²¹ царь ставил такую мудрую «обозрительность» себе в особую заслугу: «Како ж и сего не мог еси разумети, яко подобает властелем ни зверски яритися, ниже безсловесно смиратися?». ²² Более того, благо своих подданных Иван объявлял главной целью и смыслом своего существования: «На род же христианский мучительных сосудов не умыш-

¹⁷ Скрынников. Переписка, с. 92—94.

¹⁸ Следует отметить, что в своей последней статье Р. Г. Скрынников согласился с аргументами Э. Кинана, что если бы царь послал за грамотой Курбского в Озерище, то не успел бы написать ответ в начале июля; в связи с этим Р. Г. Скрынников пришел к решению «пересмотреть отношение к легенде о Шибанове» (Скрынников. Мифы, с. 124). Но, согласно этой легенде (Латухинской Степенной книги), как мы знаем, Шибанов передал царю послание на Красном крыльце, между тем, по летописному рассказу (достоверность которого Р. Г. Скрынников признает), Шибанов был захвачен воеводами близ Юрьева. Очевидно все-таки, что рассказ о вручении письма в Москве следует считать легендарным.

¹⁹ Послания Ивана Грозного, с. 44.

²⁰ Там же, с. 19.

²¹ Там же, с. 31.

²² Там же, с. 18.

ляем, но паче за них желаем противу всех враг не токмо до крови, но и до смерти пострадати».²³ «Аз убо верую, яко о всех согрешениях суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и подвластных мне дати отрет, аще моим несмотрением погрешат».²⁴ Как мы видим, «аристократизм» и самовластие Грозного прекраснейшим образом сочетались с самой широкой демагогией. Ясно, что подобные декларации, проходящие через все Послание, адресованы были не Курбскому, а именно «подвластным», тому «христианскому роду», которому надлежало воспринимать их с вниманием и доверием. О том, что Послание «на крестопреступников» было ответом не только на первую «эпистолию» Курбского, может свидетельствовать то место в Послании царя, где, высмеивая намерение своего врага найти «утешение» от своих «скорбей» в Польско-Литовском государстве, он писал: «Паче же и утешен не можеша быти, понеже тамо особь каждо о своем попечение имея. Кто убо может избавить тебя от насильных рук или от обидящаго восхитити тя возможет, иже сиру и вдовице суду не внемлюще». Вторая из этих фраз звучит как цитата, но эта цитата не из Послания Курбского Грозному, а по-видимому, из послания Курбского (второго) в Печерский монастырь, где тот упрекал покорных Ивану IV священников (опираясь на библейский текст, — Исайя, I, 23), что они «не вдовиц и сирот заступають», и восклицал: «...хто угасит и кто братию от таковых и толь лютых бед избавит? ... Кто нас утешит и хто заступит от таковых нетерпимых бед и различных напастей?».²⁵

Но если Послание царя, как и писания его врагов были адресованы «во все Российское государство», то, естественно, встает вопрос, наиболее резко поставленный Э. Кинаном, но встававший, очевидно, и перед другими исследователями. Почему Послание царя не вошло в официальные документы времени Грозного? Почему оно вообще не сохранилось ни в одном списке XVI в.? Отчасти ответ на этот вопрос дает судьба всей светской рукописной традиции XVI в. Она чрезвычайно бедна; ряд светских памятников, написанных в XVI в., дошел до нас только в списках XVII в., — таковы сочинения Пересветова, «Казанская история» и др. (отсутствие их в рукописях XVI в. вызывало, как и в случае с перепиской Курбского и Грозного, сомнения в их аутентичности); многие светские памятники, известные уже в рукописях XV в., «выпали» из традиции XVI в. и вновь появляются лишь в XVII в. (Повесть о Дракуле, «Стефанит и Ихнилат», Повесть об Акире и др.).

Но может быть указана и еще одна причина отсутствия в рукописях XVI в. Послания Ивана IV на его «крестопреступников». Чтобы понять эту причину, это послание следует сопоставить с памятником, близким к нему по происхождению, — с официальной летописью Грозного, сохранившейся в составе Лицевых (иллюстрированных) сводов XVI в. В научной литературе были отмечены совпадения между некоторыми рассказами в Послании и Лицевых сводах — об изгнании Шуйскими митрополита Иоасафа, об истязаниях Ф. Воронцова и т. д.²⁶ Исследователи обратили внимание на своеобразную судьбу последнего тома Лицевого свода, охватывающего события времени Ивана IV и дошедшего до нас в двух редакциях — в виде Синодального списка и так называемой «Царственной книги». Уже в Синодальном списке рассказы о некоторых событиях царствования Ивана IV подверглись радикальной редакторской правке: в нескольких местах парадный полуустав основного текста был вычеркнут

²³ Там же, с. 60—61.

²⁴ Там же, с. 50—51.

²⁵ Там же, с. 62; ср.: Письма князя Курбского к разным лицам, стлб. 37, 39, 41.

²⁶ Д. Н. А л ь ш и ц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, с. 269—270.

и заменен текстом, записанным скорописью на полях. Составитель «Царственной книги» учел эту правку и аккуратнейшим образом внес ее. Но этими исправлениями дело не ограничилось. Тексты в «Царственной книге» опять оказались недостаточно удовлетворительными, и тот же редактор скорописным почерком внес новые исправления и дополнения в незавершенную еще книгу. Актуальный политический характер этой редакторской работы очевиден: речь шла об острейших событиях времени Грозного (боярские мятежи в годы его детства, политические события 50-х годов XVI в.); тем более интересно, что работа над Лицевыми сводами осталась незавершенной — текст Синодального списка оканчивался 1566 г., текст «Царственной книги» был оборван еще ранее — на 1553 г. На 1566 г. официальное летописание на Руси прервалось и более уже не продолжалось; от последующего периода до нас вообще не дошло общерусских летописей.

В чем причина столь срочных переделок официального летописания? Исследователи убедительно связывали эту редакционную работу с резкими изменениями политики Грозного, опалами и казнями в годы опричнины. Уже Д. Н. Альшиц обратил внимание на два связанных по содержанию, но существенно противоречащих друг другу рассказа Синодального списка и «Царственной книги» о событиях во время болезни царя в 1553 г. В приписке к Синодальному списку под 7062 (1554) г. сообщается о тайном заговоре князя Лобанова-Ростовского, возникшем во время царской болезни, но разоблаченном лишь год спустя. В «Царственной книге» появилась иная приписка к заключительному рассказу 7061 (1553) г., где говорится уже не о тайном заговоре, а об открытом мятеже (которого не знало предшествующее летописание) во время болезни царя. Среди участников этого «мятежа» назван ряд лиц, которых Синодальный список не только не считал мятежниками, но даже упоминал в числе людей, расследовавших в 1554 г., по поручению царя, заговор Лобанова-Ростовского; очевидно, люди эти ко времени составления «Царственной книги» попали в опалу и из «положительных» персонажей превратились в «отрицательных».²⁷ Для нас сейчас наиболее интересно одно из этих лиц: казначей Никита Фуников-Курцев, осужденный и казненный по «изменному делу» в 1569—1570 гг.

Но если к 1569—1570 гг. официальное летописание пришлось срочно переделывать, а потом и вовсе прекратить в связи с резкой переменой судьбы упомянутых в нем официальных лиц, то не мог ли по той же причине устареть и стать нежелательным и другой официальный памятник — Послание царя «во все Росийское государство»? Обратившись к Первому посланию Грозного, мы легко можем убедиться, что и в нем в качестве положительного персонажа выступает по крайней мере один человек, чья репутация пережила резкое изменение в официальном летописании, — казначей Никита Фуников. Оправдываясь по поводу обвинения Курбского в «гонениях», царь писал: «Гонения же на люди воскладаете: вы ли убо с попом и с Алексеем не гонили? . . . Что же о казначее нашем Никите Афонасьевиче? По что живот его разграбисте, самого же в заточение много лет, в дальних странах, во алчбе и нагоде держасте?».²⁸ До 1569 г. Никита Афонасьевич Фуников-Курцев был невинной жертвой «избранной рады»; с этого года он стал не менее «злобесным изменником», чем Курбский и его друзья. Очевидно, Послание «во все Росийское государство» к 1569 г. так же нуждалось в переделках, как и официальное летописание. Но стоило ли его переделывать? Прошло 5 лет, полных «измен», кровавых рас-

²⁷ Д. Н. А л ь ш и ц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. — Изз, т. XXV. М., 1948, с. 279—280.

²⁸ Послания Ивана Грозного, с. 52.

прав и широчайшего «перебора людишек» (как выражался впоследствии сам Грозный). Первое послание Курбского уже не было свежим публицистическим памятником, едва ли кто-нибудь решался о нем вспоминать. Если даже официальное летописание, ведшееся в течение многих веков, Грозный предпочел не переделывать вновь, а просто прервать, то тем более он не стал создавать новой редакции Послания на «крестопреступников».

Резкие политические перемены в годы опричнины, превращавшие актуальные публицистические памятники в устаревшие и вредные, — вот, по нашему мнению, главная причина недостаточно широкого распространения и отсутствия в доступной нам традиции XVI в. Первого послания Грозного Курбскому. Но послание это не совсем исчезло. Оно сохранилось, очевидно, не только в списках, использованных при составлении «печерских сборников» 20-х годов и «сборников Курбского» конца XVII в. Существовала и иная традиция Послания, в которой оно выступало как отдельный памятник, имевший хождение по «Российскому государству» независимо от Послания Курбского.